

2. РУССКОЕ МОРЕХОДСТВО В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Объединение Новгорода («Славии») и Киева («Куявы») в единое государство, которое летопись связала с именем и деятельностью Олега, в истории Восточной Европы имело очень большое значение.

Сложилось русское государство.

В отношении Византии и Востока Олег следовал традиции и шел по пути, задолго до него проложенному. В начале X в. Олег предпринимает поход на Византию, и исключительный успех, которого он добился (это нашло отражение в договоре Олега с Византией 911 г.), объясняется тем, что Олегу удалось сплотить силы Руси и укрепить формирующуюся русскую государственность. Летопись с рядом красочных и фантастических подробностей, используя «Житие Василия Нового» и продолжателя Амартола, рассказывает под 907 г. о том, как «иде Олег на Греки», «поя множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляни, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци, яже суть толковины», и «на конях и на кораблях» «приде к Царюграду».

Византийцы вынуждены были заключить мир. «И заповеда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек а в корабли по 40 мужь».

Далее указывается, что 12 гривен греки должны были платить «на ключь» и «потом даяти уклады на Руския грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа города, по тем бо городам седяху велиции князи, под Олгом суще».

Затем летописец приводит отрывок текста договора и указывает, как Олег возвращается в Киев, «неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье» и приказав «исшить» «парусы паволочиты Руси, а Словенам кропиньныя», повесив свой щит на воротах Царьграда, отправляется в обратный путь.

В летописном рассказе много неточного, много фантастического, вроде того места, где говорится о том, что Олег поста-

вил корабли на колеса. Вызывает сомнение уплата греками 12 гривен на человека, хотя «на ключ» 12 гривен дани Византия уплатить могла, если в этом «ключе» видеть «ключ» — уключину, т. е. символ русской лоды.

Можно, казалось бы, сомневаться в том, что воины стольких племен, еще не вошедших прочно в состав державы Олега, приняли участие в походе, но если мы учтем, что они были «толковинами», т. е. союзниками Олега в этом заманчивом, сулившем большую военную добычу и славу, походе, то нет ничего удивительного в том, что на предложение Олега идти походом «на Греки» отозвались и вятичи, вышедшие из своих дремучих лесов, и прикарпатские хорваты, и другие племена Восточной Европы. Дата похода (907 г.) не точна. Византийские источники ничего о нем не говорят. Но сам по себе поход Олега не вызывает никаких сомнений, и следом его, оставшимся в веках, является договор Олега с Византией 911 г.

Наша летопись знает два договора Олега с греками, 907 и 912 гг., причем первый, неполный, сохранился в отрывках. Совершенно прав М. Д. Приселков, объясняющий происхождение договора 907 г. следующим образом. Когда Святополк Изяславич предоставил Нестору возможность для составления «Повести временных лет» пользоваться княжеской казной, где хранились договоры русских с греками, эти документы находились не в должном состоянии. Части их уже не было, часть договора 911 г. была оторвана от остального текста, что и дало Нестору повод считать оторванный кусок за остаток текста более раннего договора с Византией.¹

Был и другой экземпляр, полный, который Нестор привел через несколько строк целиком. Этот договор, датируемый точно 2 сентября 911 г., не вызывает в целом никаких сомнений ни по содержанию, ни по форме, ни по языку. Его текст есть несомненный и буквальный перевод с греческого, так что отдельные встречающиеся в нем выражения могут быть поняты только при условии буквального перевода на греческий язык.

Договор был переведен болгаринном на болгарский язык и выправлен русским книжником.²

Договор заключали «мужи» Олега, его «слы».

Договор 911 г. предусматривал право посещения Константинополя и пребывания там послам Руси, гостям и простым

¹ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, ист. серия, вып. 8, стр. 229.

² С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление», т. VI—VII, 1936, стр. 102, 103.

воинам, причем гости при этом предъявляли серебряные печати, послы — золотые печати русского князя. Рядовые «*рѣз*» — русские воины, и прежде всего варяги, направлялись в Царьград для того, чтобы поступить на службу к императору, чему Олег не препятствовал, стараясь избавиться от беспокойных и своевольных викингов. Всем им русский князь был обязан запретить «творить пакости в селах и стране нашей», т. е. в Византии.

Послы получают от императора содержание, ими самими избираемое. Гости, приезжающие не только для продажи, но и для купли, получают «месячину», состоящую из хлеба, мяса, фруктов и вина; гости же, приезжающие только для продажи, месячины не получают. Послам и гостям Руси отводился для проживания монастырь святого Мамонта в предместье Константинополя, где специальные лица вели учет выдачи посольского содержания и «месячины». Первое место отводилось киевлянам, затем черниговцам и переяславцам, а потом уже жителям других городов. Русские добились беспопытной торговли. Но буйная русская вольница должна была проходить на рынки Константинополя в определенные ворота, не более 50 человек сразу, без оружия и в сопровождении византийских чиновников. Отправляясь обратно на Русь, послы и гости получали на дорогу провизию и корабельные снасти. Всякий русский воин при желании мог остаться в Византии и служить в императорском войске. В случае каких-либо столкновений между греками и Русью все вопросы личного и имущественного характера разрешались, исходя из норм «закона русского». Указывались также взаимные обязательства Руси и Византии по отношению к потерпевшим кораблекрушение русским и грекам и по отношению к бежавшей челяди.¹

Для нас представляют особый интерес те статьи договора Олега с Византией, где говорится о том, что русские обязуются оказывать всяческое содействие потерпевшим кораблекрушение греческим купцам (проводить потерпевших в свою или Греческую землю, помогать им продать товары и т. д.).

Договор Руси и Византии 911 г. заключает в себе упоминание о том, что он — не первый, ибо он называет себя «удержанием» и «извещением» — «от многих лет меж христиан и Русью бывшею любовью», намекая на договоры Руси с греками IX в.

Такой договор, как договор 911 г., мог быть заключен только победоносной Русью, так как все его содержание говорит о том, что Олег продиктовал «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира» (К. Маркс).

¹ М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 239.

Мы только не можем определить точно дату похода Олега, но, судя по тому, что в 909—910 гг. в Византии в императорском войске служат русские дружинники, что свидетельствует о применении пунктов договора 911 г. в действительной жизни, можно предположить, что поход имел место незадолго до 909 г., быть может, действительно в 907 г., после чего, согласно предварительному соглашению, часть русских воинов поступила на службу к императору.

Договор Олега с Византией свидетельствует о том, что это не простое соглашение цивилизованного государства с шайкой грабителей, а юридическое оформление длительных связей цивилизованного, еще могущественного, но уже дряхлеющего государства с юной, сильной, воинственной, стремящейся к непрерывному расширению державой, мечом прокладывающей себе путь в ряду сильнейших и влиятельнейших государств мира. И при этом, надо отметить, это — юридическое оформление связей старинных, сложных и живых.

Такие же старинные и живые связи установились между Русью и Каспийским морем.

Постоянные и все расширяющиеся торговые связи, как это обычно бывало в эпоху раннего феодализма, перемежались военными столкновениями. Уже во второй половине IX в., как мы видели, имел место первый поход русских на Абесгун.

Походы русских по Черному морю и военные предприятия русских, плававших по Каспийскому морю, как это следует из источников, первое время отличались друг от друга, так сказать, стадийно.

Основным направлением русских морских походов была Византия.

Сношения с ней установились еще в самом начале IX в., на заре русской государственности. Войны с Византией давно перестали носить характер набегов, и поход 860 г. был уже войной в полном смысле этого слова.

Что же касается Каспия, то обстоятельства здесь складывались несколько иначе. Не случайно о русских походах на Каспийском море мы узнаем только из восточных источников. Русские летописи о них молчат. Очевидно это объясняется тем, что походы на Каспий в меньшей мере интересовали Киевских князей, а подчас предпринимались не из Киева, а из других центров Руси.

В истории морских походов русских на Каспийское море следует отметить два этапа: на первом этапе, до середины X в., походы русских на Закавказье и Каспийское море носили характер налетов с целью захвата военной добычи; с середины X в., как это будет показано ниже, наблюдаются изменения в организации походов, меняются их цели. Русские дру-

жинники стремятся обосноваться в Закавказье, восстановить прерванные войной экономические связи и наладить хозяйственную жизнь, установив дружеские отношения с населением завоеванных ими городов и областей.

В «Истории Табаристана» Мухамеда-Эль-Хасана упоминается о том, как в 909 г. русы на 16 судах прибыли в Абесгун («как во время Хасана, сына Зейды»). Они вышли на берег, производя опустошения и захватывая военную добычу. Из Абесгуна русские направились в Анджиле (Макале или Миан-Кале в Астрабадском заливе), где подверглись нападению мусульман и были вынуждены покинуть их владения.

В 910 г. русские повторили поход и сожгли город Сари (Мазандеран), повоевали окрестности Пенджагезара и, взяв пленных, удалились морем в Дайлеман (Гилян). «Часть их высадилась, а другая часть осталась на море». По приказу правителя Гилян-шаха ночью было совершено нападение на русских. Оставшиеся на судах русские удалились в море, но там они подверглись разгрому со стороны флота Ширван-шаха.¹

Следующим большим морским походом русов на Каспийское побережье Кавказа и Закавказья был поход около 912—913 гг. — 300 г. гиджры, по мусульманскому летоисчислению.²

Масуди в своих «Промывальнях золота» («Золотых лугах») довольно подробно описывает этот поход. Он сообщает, что после 300 г. гиджры 500 кораблей русов, на каждом из которых было по 100 человек, вошли в рукав Нейтас, соединяющийся с Хазарской рекой.

Необходимо, прежде всего, расшифровать географические термины Масуди, иначе останется неясным дальнейший путь русов: «Нейтас» — Черное море (Понтус, Понт), а под «Хазарской рекой» Масуди следует разуметь Волгу, по его словам, впадающую в «Хазарское море, которое есть также море Джурджана, Табаристана и других персидских стран».³

«Хазарское море» — Каспийское море. В представлении не только Масуди, но и многих других восточных писателей, Каспийское море соединялось с Черным через Волгу и «рукав Нейтаса». «Рукав Нейтаса» — не что иное, как Дон, действительно, сближающийся с Волгой. По Дону русы добрались до хазарской заставы, поставленной «у устья рукава».

Местонахождение хазарской заставы различными исследователями приурочивается к разным местам. Григорьев считает, что русы встретили хазарские гарнизоны на Тамани, в Тмутаракани, тогда как Ламбин и Голубовский предполагают, что эта встреча произошла у Саркела, расположенного, как из-

¹ Б. Дорн, ук. соч., стр. 5, 6.

² В. В. Григорьев. Россия и Азия. СПб., 1876, стр. 13, 43.

³ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 125—138.

вестно, на Дону у Цымлянской. В пользу первого предположения говорит то, что попасть на Дон, минуя Хазарский Самарканд (Тмутаракань), если предположить, что русы спустились по Днепру и достигли Керченского пролива, плывя вдоль берегов Крыма, невозможно, а здесь-то, очевидно, состоялась встреча русов с хазарской заставой. Но и второе предположение, казалось бы, заслуживает внимания, ибо Масуди сообщает, что русы сперва вошли в «рукав Нейтас», т. е. Дон, а затем уже имели дело с хазарской заставой, расположенной в Саркеле, что, конечно, отнюдь не исключает наличия хазарской заставы и на Тамани.¹

Тем не менее следует остановиться на первом предположении, так как Масуди сообщает, что после переговоров с хазарами русы «вступили в рукав, достигли устья реки и стали подыматься по этой водяной полосе, пока не достигли реки Хазарской, вошли по ней в город Итиль...».

Следовательно, путешествие вверх по Дону и переходу на Волгу предшествовали переговоры с хазарами, а это говорит за то, что хазарская застава была на Тамани.

Прибыв «к хазарским людям, поставленным при устье рукава», русы вступили с ними в переговоры и отправили к хазарскому царю послов с просьбой разрешить им перетаскать свои суда в Волгу, т. е. «перейти в его страну», и пройти в Каспийское море. За это они обещали царю половину своей военной добычи. Царь согласился. Русы, очевидно, волоком перетаскали свои однодеревки на Волгу и пустились вниз по течению. Пройдя столицу хазар Итиль, они вступили в море.

Войдя в Каспий, «русские суда распространились по этому морю» и начали нападать на прибрежные города.

Русы применяли десанты, высаживая пеших и конных воинов, нападавших на мусульманские войска.²

«Их отряды отправлялись в Гилян, Дайлем, Табаристан, Абаскуи на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан».

«При возвращении из набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников (...нефтяных колодезев Ширванского царства, известных под названием „Баку“)

¹ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 13. — Н. Ламбин. О Тмутараканской Руси. ЖМНП, 1874, стр. 76. — П. Голубовский. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом. «Киевская старина», 1888, № 22, стр. 66. — В. В. Мавродин. Первые морские походы русских на Каспийском море. «Морской сборник», 1939, № 9, стр. 99, 100.

² Указание на использование русскими судов для переброски лошадей представляет большой интерес. Русские, высаживая десант, благодаря этому могли сразу же бросать в бой свою конницу. Интересно отметить, что грузоподъемность русских судов еще в XV в., как это мы увидим дальше, Юсафат Барбаро измерял количеством не только людей, но и лошадей.

и в нескольких милях оттуда. Царем Ширвана был тогда Али-ибн-ал-Хайсам. Люди вооружились, сели на барки и торговые суда и отправились к тем островам, но русы обратились против них; тысячи мусульман были убиты или потонули.¹

Флот мусульман был разбит русами.

Через несколько месяцев с большой добычей, ценностями и рабами, русы повернули обратно. Дойдя до Итиля, русы понесли хазарскому царю «деньги и добычу по уговору». Но гвардия кагана, состоявшая главным образом из мусульман-хорезмийцев, и многочисленные в Итиле богатые и влиятельные мусульманские купцы, узнав о разгроме русами прикаспийских земель их соотечественников и единоверцев, что, к тому же, нарушало нормальную торговлю по Каспию, обратились к царю с требованием дать им возможность отомстить русам.

Мусульманские купцы и воины-наемники (арсийцы) были в Хазарии серьезной политической силой, и царь, по свидетельству Масуди, «не мог им препятствовать». Он успел только сообщить русам о готовящемся на них нападении.

Русы, узнав о предстоящей схватке, вышли из судов и дали бой на суше. Масуди, несомненно, сгущая краски и преувеличивая цифры (он приводит, например, следующие цифры: мусульман и присоединившихся к ним христиан Хазарии было 15 000 человек, а русов — 35 000, из которых около 30 000 было убито), рассказывает о разгроме в трехдневном бою мусульманами и христианами русов, об отступлении оставшейся части русов (опять-таки, несомненно, преувеличенная цифра в 5000 человек) в своих лодьях на север, в землю буртасов и болгар (камских), где и последние остатки русов были перебиты. Так закончился, по свидетельству Масуди, этот поход русов на Каспий.²

Необходимо отметить, что рассказ Масуди, несмотря на его несомненную достоверность, нуждается все же в известной критике.

Во-первых, о самой дате похода. Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши утверждает, что русы опустошили Табаристан в 914 г., а это подтверждается и Масуди, датирующим поход русов временем «после» 300 г. гиджры, т. е. после 912—913 гг.³

В. В. Бартольд, анализируя сообщение о походе русов Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши (Захир-ад-дин Мараши), обращает внимание на то, что с русами пришлось иметь дело Саманидам, а уже в 302 г. гиджры (914—915 гг.) Табаристан был отнят у Саманидов алидским имамом Хасаном Утрушем. Следовательно, датировать поход следует скорее 913—914 гг.

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 24.

² А. Я. Гаркавиц, ук. соч., стр. 125—138.

³ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 19.

По Масуди, это было «после» 300 г. гиджры (912—913); по Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши, это могло быть только до 302 года гиджры (914—915 гг.). Следовательно, поход русов следует датировать 301 годом гиджры, т. е. 913—914 гг.¹

Вызывают сомнение число судов и количество русских воинов, принимавших участие в походе.

Вряд ли действительно 500 судов русских прошло в Каспий. Если даже учесть вероятное участие в этом походе тех же русских воинов-мореходов, которые незадолго до этого под руководством Олега разгромили Византию и заставили ее подписать выгодный для Руси договор, то все же эта цифра покажется преувеличенной.

Сомнительно и то, что каждое русское судно, по уверению Масуди, вмещало 100 воинов. Летопись сообщает, что суда-однодеревки Олега вмещали по 40 человек. И вряд ли монооксилы «рѣс» могли вместить больше. Даже казацкие чайки XVII в. вмещали не более 70 человек. Повидимому, для исчисления русского войска придется все же остановиться на более скромных цифрах.

Вызывает сомнение и версия Масуди о полном истреблении русов. Мы располагаем данными, которые противоречат этому.

Аль-Ауфий (XIII в.) сообщает, что какие-то русы в 300 г. гиджры приняли христианство, а затем, когда увидели, что это обстоятельство стеснило их, решили перейти в мусульманскую веру и обратились за помощью к Хорезм-шаху. Последний с радостью отправил к ним имама, и русы стали мусульманами.

Это указание Аль-Ауфия представляет огромный интерес как свидетельство той большой роли, которую русские играли в политической жизни прикаспийских областей.²

Шабангарий (XIV в.) сообщает то же, прибавляя, что русы-мусульмане господствуют на море.³ К нему присоединяется Шукралаг (XV в.), добавляя, что целью русов при принятии мусульманства было узаконение военной добычи, добываемой в войнах с «неверными».⁴

О каких русах-мусульманах говорят Аль-Ауфий, Шабангарий и Шукралаг? Конечно, о тех, которые «после» 300 г. гиджры, быть может, в 914 г., напали на Каспий.

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 25. — А. Ю. Якубовский, ук. соч. стр. 464, 465.

² В. В. Бартольд. Новое мусульманское известие о русских. Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. IX, 1896, вып. 1—4, стр. 264, 265.

³ Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. МНП, 1908, февраль, стр. 32.

⁴ П. Смирнов. Велзкий шлях і стародавні Руси. Киев, 1928, стр. 220.

Столкновение, имевшее место у русов с мусульманами и христианами Хазарии недалеко от Итиля, закончилось, повидимому, отнюдь не полным истреблением русов. Какая-то часть их, побежденная, принимает христианство, имевшее широкое распространение в Хазарии, быть может, и среди русов-славян, живших в Итиле, а затем, видя, что выгоднее стать последователями Магомета, обращается в мусульманскую веру, так как это давало возможность освятить стремление к военной добыче и переходит на службу к хазарскому царю, пополняя собой гвардию кагана.

Служба русских воинов в тех землях, которые были объектом их нападений, у тех правителей, с которыми они воевали, стала обычным явлением и привела к появлению «*рѡс*» в войске византийского императора, к пополнению рядов русской стражи хазарского кагана.

А. Ю. Якубовский обратил наше внимание на одну очень характерную особенность некоторых кладов куфических монет, найденных на территории Татарской Автономной республики, т. е. на территории древнего Болгарского царства.

Клад 1840 г. включает в себе диргема самого конца IX в. (Исмаил I, 892—907) и начала X в. (Ахмед, 907—914), и нет ни одного диргема, чеканенного после 300 г. гиджры, т. е. после похода русов на южный берег Каспия. Среди кладов встречается много монет, представляющих собой болгарскую перечеканку в подражание диргемам Исмаила I, очевидно, очень распространенным в земле волжских болгар.

Все это — и клад 1840 г., и «большое количество болгарских подражаний диргемам Исмаила Саманида» — «указывает на то, что упомянутые выше русы, разбитые болгарами, оставили у них немалое количество захваченных во время набега на юго-западное побережье Каспийского моря Саманидских диргемов».¹

Нельзя не обратить внимания на хронологическую связь между походами русских на Константинополь и на побережье Каспия. Первый большой морской поход русских на Закавказье, 913—914 гг., последовал за походом Олега на Царьград. Ему предшествовало заключение договора с Византией — договора 911 г.

Первый поход русов на Табаристан также последовал за походом на Константинополь в 860 г., и ему также предшествовал договор «мира и любви» между русскими и «ромеями».

И, наконец, как это мы увидим дальше, поход на Бердаа 943—944 гг. также имел место вслед за походом Игоря на Византию.

¹ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 466.

Случайна ли эта связь? Безусловно нет. Можно было бы предположить, что походы на Каспий совершались какой-то русской вольницей, независимо от князя, от Киева и поэтому-то о них ничего не говорит наша летопись, фиксирующая походы, организованные Русским государством, а не русской вольницей, но синхронность и взаимообусловленность активности русских у стен Византии и на берегах Каспия, причем активность русских на Каспии зависела от успехов их в борьбе с Византией, свидетельствует о взаимной связи двух направлений внешней политики и военных усилий молодого Русского государства.

Русские становились активными на Востоке или тогда, когда взаимоотношения с Империей регулировались мирными и выгодными для Руси договорами, или тогда, когда во всяком случае Русь не опасалась активности Империи и могла шаг за шагом укреплять свои позиции на Востоке.

На связь похода 913—914 гг. и договора Руси с Византией 911 г. обратил внимание еще В. В. Бартольд.¹

Так устанавливается связь между Русью, Византией и Востоком.

Установив договорные отношения с Империей, Русь обратила свое внимание на Восток. И в этой связи следует остановиться на интересном документе из еврейско-хазарской переписки, найденном и опубликованном Шехтером. Хранившийся среди рукописей знаменитой Каирской генизы² и оттуда попавший в библиотеку Кембриджского университета, этот документ, к сожалению, страдающий рядом дефектов, говорит о царе русов Хельгу.

Византийский император Роман Лакапин послал большие дары «Хельгу, царю России» и подстрекнул его напасть на хазар. Хельгу напал на город «S-m-b-r-jj» (искаженное «S-m-k-r-c», т. е. Тмутаракань), взял его, воспользовавшись отсутствием там «начальника, раб-Хашмоная». Тогда булшичи (Βουλσις — по Феофану, причем это слово означало, повидимому, звание, титул) Песах напал на «города Романа», а затем «пошел войной на Хельгу и воевал...» (далее следует пропуск) «...и бог смирил его перед Песахом». Хельгу вынужден был отдать все, что добыл он мечом в «S-m-b-r-jj», и признался, что напал на хазар по наущению Романа. Тогда Песах заставил его выступить против Романа. «И пошел тот против воли и всевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осили (его)

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 24.

² Гениза — у иудеев место хранения пришедших в ветхость богослужебных книг и других документов.

огнем. И бежал он и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию (Рагаз, что может быть, искажено из Тигаз, как называлась иногда Фракия. — В. М.), и пал там он и весь стан его. Тогда стали русские подчинены власти хазар». ¹

Крупнейший гебраист, академик П. Коковцов доказал, что этот документ может быть датирован XII в., и источником его является «Книга Иосиппон» и, главным образом, какой-то византийский литературный памятник, может быть, то письмо, о котором упоминает Иехуда-бен-Барзиллай (XI в.), по своему содержанию, повидимому, совпадающее с «Кембриджским документом». В нем фантастика народных рассказов сочетается с конкретными историческими событиями, а именно — с походом русов из Черного моря в Персию, походом Олега на Константинополь, сожжением флота Игоря греческим огнем, подстрекательством Романа к захвату Самкерца-Тмутаракани и захватом русскими города и, наконец, борьбой хазар с Византией за северное Причерноморье. Но все эти исторические события, разновременные и разнохарактерные, приписываются одному лицу — Хельгу, т. е. Олегу.

Хельгу «Кембриджского документа» живет и действует во времена византийского императора Романа Лакапина, царствовавшего с 919 по 944 г.

Нам кажется, что «Кембриджский документ» следует связать с описанием похода русов на Бердаа в 943—944 гг., о чем говорят Ибн-Мискавейх, Ибн-аль-Асир, Григорий Бар-Эбрей, Моисей Каганкатвази, Низами, Якут, Абуль-Феда. ² Ибн-Мискавейх как бы начинает свой рассказ с того, на чем кончает свое повествование «Кембриджский документ». Но об этом походе ниже.

Поход Хельгу не вызывает сомнений. Это — исторический факт, и результатом его было появление русских на восточном побережье Керченского пролива, в Самкерце-Тмутаракани. Рассказ «Кембриджского документа» о победе Песаха над Хельгу и о подчинении русских хазарам вряд ли можно считать правдоподобным, так как в 943—944 г. русские предпринимают свой поход на Бердаа, на Каспий, пересекая Кавказ

¹ П. Коковцов. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-руско-византийских отношениях в X в., ЖМНП, 1913, ноябрь, стр. 159—161. — Его же. Еврейско-хазарская переписка в X в. 1932 г.

² А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332—943—944 гг. «Византийский временник», т. XXIV. — Моисей Каганкатвази. История Агван, Перевод К. Патканова, СПб., 1861, — В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 33 — В. В. Мавродин, ук. соч., стр. 102.

сушей с запада на восток, от Керченского пролива и до Дагестана, причем вместе с русскими идут аланы и лезги. А для того, чтобы вместе с жителями степей и предгорий Кавказа, аланами и лезгами, пройти через степи к Дагестану, нужно было укрепиться на Тамани, и Хельгу, очевидно, превратил Тамань в базу готовящегося похода на Каспий. Ни о каком покорении хазарами русов не могло быть и речи.¹

Можем ли мы считать, что этот поход был произведен тем самым летописным Олегом, деятельность которого, по летописи, падает на конец IX в. и начало X в.? На этот вопрос ответить трудно.

Если принять высказанное в литературе предположение о том, что былинный Вольга Святославич имеет своим прообразом исторического Олега, о котором в Киеве времен летописца ходили легенды, как о «вещем» князе, то, быть может, следует связать сказанное о походе Вольги на Индийское царство с походом Руси Хельгу «Кембриджского документа» на Закавказье, в Персию.

Но все это предположения, догадки, — не больше.

В 941 г. Игорь предпринимает поход на Византию. Кроме нашей летописи, о походе Игоря сообщают Симеон Логофет, «Житие Василия Нового», Лиутпранд, Масуди, Лев Диакон.²

Сопоставляя и сверяя сведения, сообщаемые об этом походе Игоря различными источниками, мы можем нарисовать такую картину этого похода Руси, когда Игорь, выступив из Киева, «с великим ополчением» подошел к Царьграду (Лев Диакон). Поход был предпринят морем, в лодьях, причем летопись и византийские источники называют колоссальную цифру в 10 000 «скедий» (*skedia*), т. е. лодей, а Лев Диакон и Лиутпранд, последний со слов своего отчима, присутствовавшего в Константинополе при казни русских пленников, снижают ее до 1000.

Время для похода было выбрано очень удачно — византийский флот был занят борьбой с арабами. Византийский император был осведомлен о походе, получив весть о выходе русских в море, по летописи, от болгар, а согласно «Житию Василия Нового», от херсонесского стратига, но остановить русских на море не смог. Русские дошли до Босфора и начали военные действия в окрестностях столицы империи.

¹ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Исторические записки», № 6, 1940, стр. 90—95.

² *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, т. XXXVIII. — *Monumenta Germaniae historica*, scr. III. — А. Я. Гаркави, ЖМНП, 1872, апрель. — «История» Льва Диакона Калоийского и другие сочинения византийских писателей. Перевод Д. Попова, 1820, VI, гл. X.

11 июня русские появились у самых стен Царьграда. Здесь, у Босфора, русские потерпели поражение, и множество их «моноксилов» было истреблено греческим огнем. Остатки русской флотилии устремились к берегам Малой Азии, к Вифинии и Пафлагонии. Но сюда император бросил македонскую кавалерию. Здесь, в Вифинии, русские отряды, посланные в глубь страны за припасами, были разбиты, а стоявший в гавани флот окружен византийской флотилией Феофана. В сентябре 941 г. русские прорвались через строй греческих судов, но при этом понесли большие потери. Русские устремились к берегам Фракии, но отставшие русские суда были настигнуты греками и полностью истреблены греческим огнем. Много русских, пытаясь спастись с горящих лодей, бросались в воду и тонули. Часть их греки захватили в плен. Только успевшей вырваться вперед части русских судов удалось уйти к Керченскому проливу, избегая засады печенегов на Днестре.¹

Чем был вызван поход, когда русские, по свидетельству различных источников, на множестве судов подплыли вновь к стенам Царьграда? Возможно, что Византия пыталась ликвидировать условия мира 911 г., и нарушение их и вызвало поход Игоря в 941 г.²

Но неудача 941 г. не смутила Игоря. В 944 г. он, «совкупив вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словени, и Кривичи, и Тверьще, и Печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки в ладьях и на коних, хотя мстити себе».³ Это были тяжелые времена и для Империи и для императора Романа. Борьба с арабами и болгарами обессилила Византию. Во дворце императора и в самой его семье плелись нити заговора, которые привели самого Романа, а затем и свергавших своего отца его сыновей, Константина и Стефана, на Принцезы острова.

И снова момент для нападения на Византию был выбран Игорем очень удачно. Вот почему, когда силы Руси двинулись на Византию, угрожая ей с суши и с моря, то на Дунае русские войска были встречены послами Романа, которые предложили Игорю попржнему брату с Византии дань, «юже имал Олег», и заключить договор. Договор был заключен, и, взяв у греков «злато и поволоки... на вся вои», Игорь повернул обратно. Русско-византийские отношения договором 944 г., окончательно оформленным послами императора уже в Киеве,

¹ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. «Вестник древней истории», 1939, № 3, стр. 101.

² Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1942, стр. 55.

³ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 44.

были восстановлены. В летописи мы находим красочный рассказ о том, как русские в Киеве скрепляли клятвой договор в Византией.

Это происходило в конце 944 г. Послы императора прибыли в Киев в самом конце 944 г. (не позднее, так как 16 декабря 944 г. Роман был свергнут, а договор заключен от его имени). При первой же встрече с Игорем послы императора объявили русскому князю, что император уже присягнул, и потребовали, в свою очередь, присяги от Игоря. На утро стали сходитьсь русские «мужи». Явился и Игорь с послами императора и занял свое место на холме, где стоял идол Перуна. Язычники-русские, подходя к холму, снимали с себя и клали на землю оружие: обнаженные мечи, щиты и другое оружие, сбрасывали с себя обручи и украшения и клялись Перуном свято блюсти договор с греками. Многочисленные христиане-русские шли присягать в соборную церковь святого Ильи, стоявшую над ручьем, в конце Пасынчей беседы и Хозар. Когда церемония была окончена, Игорь одарил послов мехами и челядью и отпустил их в Византию. Так возобновились связи между Киевом и Константинополем.

Русь не была принижена неудачей 941 г. и добилась договора 944 г. без борьбы, но поражение Игоря не могло не сказаться на тексте византийско-русского соглашения. Договор 944 г. был объявлен как обновление договора 911 г., но он содержит в себе ряд статей, менее выгодных для Руси, чем аналогичные статьи договора 911 г.

Так, например, все торговые операции русских гостей облагались пошлиной. Закупка паволок была ограничена 50 золотниками на купца. Зимовка русских судов в пределах Византии запрещалась. Права русских купцов в Византии урезывались, всякая тяжба по поводу преступлений против личности и имущества подданных Руси и Византии регулировалась теперь не только в пользу одних русских, по «закону русскому». Особенно следует подчеркнуть вопрос о «стране Корсунстей». Указывалось, что если русский князь не будет «воевать» города в византийских владениях в Крыму, то и Византия окажет ему помощь в его войнах «на тех странах».

Русский князь берет на себя обязательство не пропускать черных болгар «пакостити» Корсунской стране. Русские не должны препятствовать корсуниям ловить рыбу в устье Днепра, а осенью обязаны уходить с устья Днепра, Белобережья и острова святого Евферия. Византия имела право вызывать себе на помощь русских «воев», указывая письменно их количество, в свою очередь давая русскому князю войска «елико требе», очевидно, для защиты византийских и русских владений у Корсунской страны.

Как и в договоре 911 г., но в гораздо большей степени, Византия прежде всего добивается от Руси военного союза, прекрасно учитывая ее все время возрастающую мощь и, наконец, то, что политические интересы Руси и Византии сталкивались на всем огромном протяжении от Дуная до Керченского пролива. Русь могла стать либо могущественной союзницей империи, либо ее опасным врагом, сильным, энергичным и влиятельным.

И из обязательств о помощи Руси и Византии в отношении обороны «страны Корсунстей», из статьи, трактующей об обязанности русского князя Игоря не пускать черных болгар в Корсунскую страну, следует, что в то время Игорь имел какие-то земли, находившиеся неподалеку от Херсонеса. Когда же власть русского князя распространялась на них? Наиболее убедительными мне кажутся соображения А. Н. Насонова, высказанные по этому поводу. Он полагает, что занятия русскими той самой «Хазарской заставы», где в 913—914 г. они договаривались о пропуске их во владения кагана, того самого «Смкрц» («S-m-k-r-c»), о котором говорит «Кэмбриджский документ», произошло в июне 944 г., когда русские отправлялись в поход на Бердаа и шли от берегов Азовского моря сушей, по степям Северного Кавказа, в предгорьях Кавказского хребта, стремясь выйти к берегам Каспийского моря. Так было положено начало русскому Тмутараканскому княжеству.

И когда осенью 944 г. велись переговоры о подписании договора между Игорем и Империей, в руках русского князя была и Тмутаракань и, повидимому, восточная часть Крыма, прилегающая к «Корсунской стране». ¹ М. Д. Приселков также считал, что уже в 944 г. русские владения простирались до Крыма. ²

Так на восточном берегу Керченского пролива была создана база для русского похода на Каспий — зародыш будущего Тмутараканского княжества. Русские уже не раз появлялись в Крыму, достаточно вспомнить «Житие Стефана Сурожского», и появление их здесь в X в. вполне понятно. Но этого мало. Для того чтобы не пускать черных болгар, идущих с севера, со стороны степей, в земли херсонеситов, нужно было обладать западным побережьем Азовского моря вплоть до северной ча-

¹ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Исторические записки», т. VI, стр. 90, 91. — И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6, 1941, стр. 237.

² М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, серия ист. наук, вып. 8, стр. 194.

сти Таврии, до перешейка. Только обладая этими сопредельными с Корсунской страной землями, Игорь мог реально не допускать черных болгар «пакостити» византийским владениям в Крыму.

Так, в результате походов 944 г., Киевский князь стал обладателем земель в Крыму и на Тамани, где в очень непродолжительном времени появилось много русских, да и среди местного населения обнаружилась явная тяга к Руси. Создалась своего рода «русская партия», из среды которой вышли и корсунянин Анастас, помогший Владимиру овладеть Херсонесом, и те корсуняне, которые убили отравителя тмутараканского князя Ростислава херсонесского котопана. А остатки русского населения в Крыму и на Тамани прослеживаются вплоть до XIII и даже XIV вв.¹

Но так как в новых своих владениях, еще недавно византийских, Игорь должен был утверждать свою власть и укреплять влияние, вполне понятны его требования присылки императорских инсигний (царское одеяние, убор, венец), о чем говорит в XIII гл. своего сочинения «De administrando imperio» Константин Багрянородный и на что обратил внимание М. Д. Приселков.

Византия была обеспокоена утверждением власти Руси на северном побережье Черного моря и в Крыму. Азовское море уже стало русским озером. До сих пор русские предпринимали свои походы на византийские владения, выходя из глубин восточно-европейской равнины, отплывая от «гор киевских». Теперь они уже осваивали само морское побережье, утверждаясь у границ византийских земель в Крыму. Поэтому-то в договоре 944 г. так старательно подчеркивается запрещение русским зимовки в устье Днепра, на Белобережье и на острове Евферия. Византия боялась, что вместо русской военно-промысловой вольницы, вместо русских «дромитов» здесь могут появиться оседлые, постоянные русские поселения типа позднейшего Олешья, что русские закрепятся на берегах Черного моря.

О русских-дромитах (*Дромитаί*) в связи с событиями 941 г. упоминают Георгий Амартол, Феофан и Симеон Логофет. Само название — дромиты,² говорит за то, что это была русская промысловая и торговая вольница, напоминающая будущих «галицких выгонцев» и бродников, с которыми их род-

¹ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, серия ист. наук, вып. 8, 1940, стр. 217—226. — А. А. Насонов, ук. соч. — В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Ученые записки Пед. инст. им. Герцена, т. XI.

² *Дρομή* — от греч. «бег». Дромиты — бегуны.

нит даже смысловое значение их наименования. Византия была способна направлять внимание русских на Восток, но воспрепятствовать русским укрепиться на берегах Азовского и Черного морей, в Крыму и на Тамани она была не в состоянии. Тем более понятно стремление императора направить энергию русских дружин на Хазарию и в Закавказье, что полностью соответствовало направлению второго пути морских походов Руси и ее интересам на Востоке. Византия не могла указать Руси, где воевать, но она, опасаясь могущества русских, создавала условия, облегчавшие русским дружинам активность на Каспии.

И в связи с событиями 944 г. стоит поход русских на Бердаа. Византии удалось отвести удар от себя и вновь обратить внимание русских на Восток. Быть может, в результате того самого «подстрекательства» Романа Лакапина, о котором сообщает «Кембриджский документ», русские устремились в Закавказье.

Возможно, что этот поход возглавил действительно Хельгу-Олег. И не в этой ли связи стоит рассказ Новгородской I летописи о том, как Игорь «посла» своих дружинников «на грекы»? Не послал ли он участника похода — Олега-Хельгу «Кембриджского документа» и на Византию? Такое предположение высказал А. Е. Пресняков.¹

Во всяком случае Игорь в этом походе не участвовал. Его скорее всего предприняли после похода 944 г. русские воины, решившие воспользоваться тем, что война с Византией не состоялась, и всей массой обрушиться на Восток. И Игорь их охотно отпустил, отправив другую часть своего войска, наемников-печенегов, сражаться в Дунайской Болгарии. Этот поход в Бердаа, датируемый 944 г. (332 г. гижры, а это может быть и 943 и 944 гг., но скорее всего 944 г.), описан Ибн-Мискавейхом («Книга испытаний народов»), Якутом («Географический словарь»), Григорием Бар-Эбреем («Сирийская хроника»), Абуль-Федой («Мусульманские летописи»), Ибн-аль-Асиром («Полная летопись»), Моисеем Каганкатвази («История Агван») и Низами («Эскендер Намэ»).

Низами сообщает, что «русские, жаждущие войны, пришли ночью из страны алан и герков (георгов), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через Дербент и его окрестности (очевидно, на юг. — В. М.), они отправились в море на судах и совершили нападение».²

¹ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1939, ч. 1, стр. 71, 72.

² Б. Дорн, ук. соч., стр. 498.

Григорий Бар-Эбрей указывает: «вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердаа».¹

Оба источника говорят о том, что русские двинулись в поход на Бердаа с северо-востока, с берегов Азовского моря, от Тамани и через степи, присоединив к себе алан (осетин) и лезгов (лезгин), вышли к Дербенту, в Дагестан. Здесь где-то они пересели на лодьи, построенные, очевидно, тут же, на берегу Каспия, и вышли в море. Этих «русов» Бар-Эбрей прямо называет славянами.

Так появилось на Каспии русско-лезго-аланское войско, пришедшее из Тамани. Власть хазар на берегах Азовского моря и на Тамани была не более, чем номинальной, и русские беспрепятственно двинулись на восток. «Владелец Алании», очевидно, не без давления со стороны Византии, стремившейся руками русских ослабить Хазарию и одновременно избавиться от постоянной угрозы со стороны Руси причерноморским владениям Византии, допустил русских и даже, более того, не препятствовал присоединению к ним его подданных — алан. Самые краткие известия о походе русов из Бердаа принадлежат перу Якута и Абуль-Феда, которые сообщают только о появлении русов в Каспийском море и о захвате ими города Бердаа.² Столь же лаконично и сообщение Бар-Эбрея, но оно, как мы уже видели, имеет для нас огромную ценность в том отношении, что указывает на этническую принадлежность участников похода.

Гораздо подробнее описывают поход 944 г. Ибн-аль-Асир и Ибн-Мискавейх.

Красочное, но фантастическое, хотя и не лишенное интереса для исследователя, описание похода дает в своей поэме «Эскендер Намэ» Низами. Низами, правда, заставляет русских воевать с... Александром Македонским (!), но это обусловлено его искренним стремлением подчеркнуть воинственность, храбрость и силу русских, для объяснения поражения которых ему пришлось прибегнуть к воскрешению знаменитого «Искандера» («Эскендера») — Александра, память о котором была еще жива на Востоке.

И даже легендарному непобедимому Александру пришлось выдержать семь битв, прежде чем он одолел русских.

Несмотря на поэтическую фантазию, в произведении Низами есть много ценного и правдоподобного.

В августе 944 г. русы были уже на Каспии и вскоре дошли до р. Куры. Здесь, у Мубареки, остановился русский флот. Затем русы поднимаются вверх по течению Куры, входят в при-

¹ Бл. Дорн, ук. соч., стр. 515.

² В. В. Григорьев. Россия и Азия, стр. 20, 21.

ток и внезапно появляются перед крупнейшим и богатейшим городом Азербайджана Бердаа. Навстречу им вышел отряд помощника правителя Азербайджана, которым в те времена был Марзбан-ибн-Мухаммед из династии Мусаффридов. Этот отряд состоял из 300 дайлемитов, 300 курдов и 5000 добровольцев. Мусульмане не рассчитали своих сил. После часовой схватки войска их были разбиты и бежали. Преследуя бегущих по пятам, русы ворвались в Бердаа и завладели им.

Вступив в город, русы немедленно объявили горожанам, что жизнь их будет пощажена. Русы заявили населению, чтобы все спокойно оставалось в своих домах и занимались своим делом, что у них нет разногласий в вере и единственно чего они желают — это власти. Обязанность жителей Бердаа подчиниться им, а обязанность их, русов, хорошо относиться к покоренным гражданам. Ибн-аль-Асир сообщает: «Они сдержали свое слово и, должно отдать им справедливость, они вели себя выдержанно». ¹ По свидетельству того же Ибн-аль-Асира и Ибн-Мискавейха, простые люди, главным образом пастухи, пытались дать отпор, но неудачно, а знать смирилась и подчинилась русским. ²

Правитель Марзбан с 30-тысячным войском попытался выбить русов из Бердаа, но был разгромлен и отступил. Русы укрепились в Бердаа. Это уже не поход, ставивший своей целью лишь захват военной добычи. Русы завоевывали территорию, устанавливали свою власть, оставляли жителям не только жизнь, но и имущество, стремились к восстановлению порядка и нормальной жизни. Они собирались завладеть завоеванной землей, остаться править и осваивать край. То, что русы успели сделать уже на Тамани и в восточной части Крыма, они пытались установить и в далеком Закавказье, на р. Куре.

Описание похода русов 944 г. свидетельствует о том, что он был предпринят не отрядами, действовавшими с целью грабежа, а хорошо организованными и дисциплинированными отрядами воинов, посланными на завоевание владений на далеком, сказочно богатом, пышном Востоке могущественным правителем государства русского народа. Это были воины Киевской Руси времен Игоря.

Русы, занявшие Бердаа, — воины. Ибн-Мискавейх описывает их рослые фигуры, говорит о их вооружении: пиках, мечах, палицах и кинжалах. Но, как уже указывалось, вступив в Бердаа, русы не думали, ограничившись военной добычей, возвращаться к себе на север. Они собирались остаться здесь.

¹ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 22.

² Там же, стр. 22. — А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 92.

Поэтому с ними были орудия труда: топоры, пилы, молотки. Их военные предприятия носят государственный характер и отличаются от предшествующих походов русских дружин на южный берег Каспийского моря.¹

Целью морского похода русских 943—944 гг. являлось создание в Закавказье, на берегах Куры, с центром в Бердаа аналога того политического образования, которое создано было русскими дружинами на Тамани, у дельты Кубани, с центром в Тмутаракани.

Поход на Бердаа был одним из моментов расширения русского, славянского «варварского государства», выбрасывавшего в течение X и XI вв. свои аванпосты на берега Керченского пролива и на низовья Дона, в днепровские плавни и в гирла Дуная, в Закарпатье и в Закавказье. Глубоко прав был В. В. Бартольд, когда писал: «Подробности рассказа (о походе на Бердаа, — В. М.) показывают, что взятие Бердаа было совершенно более стройными и дисциплинированными силами, чем набеги норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны обыкновенно изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на своем пути; едва ли в Европе был случай, чтобы языческие норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества».²

Поход 944 г., как равно и другие походы, ему подобные, отражал стремительный рост Русской державы, тянувшейся к Византии и Востоку и выславшей один за другим свои отряды для завоевания «империи на юге» (К. Маркс) и на востоке.

Русы распространились по Закавказью. Всюду действовали их отряды, покоряя окрестное население. Власть их укреплялась. Но вскоре мусульмане, используя свое численное превосходство, заставили русских уйти в Бердаа. Началась осада города. Попытки Марзбана, обложившего со своим тридцатитысячным войском Бердаа, взять город приступом не увенчались успехом. И неизвестно, чем бы все окончилось, если бы не эпидемия, разразившаяся среди русов.³

Под натиском противника русы были вынуждены отступить в цитадель Бердаа, в Шахристан, где эпидемия стала свирепствовать еще больше. Увидев, что держаться дальше невозможно, русы покинули Шахристан, вышли к Куре, где стояли наготове их суда, и ушли на них в море.

¹ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 467.

² А. Ю. Бартольд, ук. соч., стр. 34.

³ «Излишнее употребление плодов произвело между ними заразительную болезнь», сообщает Ибн-аль-Асир.

Все источники единодушно отмечают храбрость русов. Русы не сдавались и предпочитали смерть плену. Они не отступали даже тогда, когда враг явно превосходил их числом. Ибн-Мискавейх сообщает, что однажды целая толпа мусульманских воинов напала на пять русов, проникших в один из садов Бердаа. Ни один из русов не хотел сдаваться, и все они погибли в неравной схватке. Последний оставшийся в живых молодой рус, сын одного из начальников, не желая попасть в руки врага и видя, что сопротивление невозможно, заколол себя кинжалом.

Отступление русов из Бердаа произошло уже в конце лета 945 г.¹ Никто не решался ни задерживать, ни догонять русских, и они с большой добычей ушли на Каспий. Дальнейший их путь и судьба неизвестны. Повидимому, они вернулись на Русь.

О походе русских на Бердаа долго помнили в Закавказье. Говоря о роли, которую сыграл в истории народов Закавказья этот поход, С. П. Толстов еще раз обращает внимание на его отражение в «Искандер-Намэ» («Эскендер Намэ») Низами. «Страницы, посвященные описанию боя (Александра Македонского, — В. М.) с русскими, весьма ярки. Они должны быть введены в широкий оборот как памятник того глубокого уважения, которое военное искусство наших предков вызывало у представителя одного из братских народов Союза. Александр, победивший весь мир, лишь с огромным трудом, после тяжелых семикратных боев, сламывает сопротивление русов. На страницах поэмы «Искандер-Намэ» рассыпано немало ярких характеристик, рисующих русов как смелых воинов, мужественных людей, привыкших к лишениям и готовых в жесточайших боях отстаивать независимость своей страны».²

Походы Руси на Черное и Каспийское моря создали Руси славу мореходной державы. Большую роль в морских походах русских играл великий водный путь «из варяг в греки», сложившийся в начале или в середине IX в. Этот путь соединял «море Варяжское» (Балтийское) с «Русским морем» (Черным морем), а через Керченский пролив, Дон и Волгу, с «морем Хвалынским» (Каспийским). Путь «из варяг в греки» шел от берегов Скандинавии и до самого Царьграда.

В первой половине IX в. произошло слияние двух узлов торговых водных артерий: северного (Западная Двина, Нева, Ладожское озеро, Волхов, Северная Двина и другие реки севера) и южного (Средний Днепр, Десна, Припять и связанные с ними

¹ В. Бартольд, ук. соч., стр. 34.

² С. П. Толстов. Из предистории Руси. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947, стр. 40.

водные и сухопутные дороги, ведущие к верховьям Днепра, Оки, Волги, в Полесье, к Карпатам и к Черному морю). Создается великий водный путь «из варяг в греки». Он шел от Бьёрке на северном берегу Финского залива к Котлину, от него к Неве, Ладоге. Отсюда, из Ладоги, плыли к Новгороду, которого достигали, отплывая из Дании, — в конце 4-й недели, от устья Одера — на 43-й день. Путь от Висби до Новгорода проходили в течение двух недель. Дальше лежало озеро Ильмень, за ним Старая Русса (по Платонову, в древности называемая Руса), Ловать, потом шли волоки на Западную Двину и с Двины в Днепр. Оттуда же, с волоков, можно было попасть и на Волгу.

Здесь уже начинался днепровский отрезок пути. Соединение этих двух отрезков произошло до летописного похода Олега из Новгорода в Киев.

Недаром Олег выдавал себя за прибывшего с «верха», т. е. с севера, гостя (купца). Значит, к этому времени фигура «варяжского гостя» с севера не могла вызвать подозрений у жителей Киева. Она стала привычной. Но произошло это слияние незадолго до объединения в единое целое «Славии» и «Куябы» (Куявии). И объединению двух центров Руси — Новгорода и Киева — предшествовало незадолго до этого происшедшее соединение двух узлов речных торговых артерий, путей походов, завоеваний и торговли, — путей, из которых один соответствовал торговым дорогам «Славии», а другой — «Куябы».

За волоками с Двины начинался уже Днепровский путь, красочно описанный Константином Багрянородным. Вехами на этом пути стояли Смоленск (Μιλίνισκα), Любеч (Τελιοβύζα), Чернигов (Τζερνίγωγα), на ответвлении Днепра — Десне, Вышгород (Βουσεγράδα), Киев (Κιαενιγάρδα, Κοενιγάρδα). В этом последнем названии Киева, кстати будет отметить, в скандинавской форме отразилось древнее название Киева «Киянгородом», т. е. городом киевлян, «киян», которое было в ходу у жителей Киева и от них, через варягов, попало в скандинавские саги и руны.

За Киевом, спустя несколько дней пути, начинаются знаменитые пороги, описанные Константином Багрянородным, о чем речь была выше; за Крайнейской переправой — остров Святого Георгия, остров Хортица, где стоял огромный священный дуб. Далее, последняя остановка перед выходом в море, — остров святого Евферия (греч.), называемый русскими Березанью, а варягами, повидимому, Björkö (Березовый остров).¹ За Березанью путь шел вдоль берега Черного моря. Тут лежали Белобережье

¹ Е. А. Рыдзевская полагает название острова Березань древним автохтонным названием. См. ее статью «О названии острова Березань», «Советская археология», т. IX, 1947.

наших летописей и пресловутый Ахиллов бег. Здесь начинались края, заселенные русской вольницей.

Берега Черного моря от днепровского устья до дунайских гирл со времени антов были заселены восточнославянскими племенами. И во времена Киевского государства, как и в древности, это была русская земля, хотя ее население слабо ощущало власть Киевского князя.

В сочинении Константина Багрянородного «*De administrando imperio*» (подлинное греческое название его неизвестно) мы встречаем замечательно яркий и красочный рассказ о плавании русских однодеревок (моноксилы) по Днепру в Византию.

С наступлением ноября князь «со всеми руссами» выходит из Киева и отправляется в полюдье в земли подвластных славянских племен, платящих ему дань. Всю зиму они проводят в полюдье, а в апреле, когда растает лед на Днепре, возвращаются в Киев. В глухих дремучих лесах данники-славяне в течение зимы рубят огромные деревья и, наспех их обстругав, опускают на воду. С наступлением весны такие примитивные лодки однодеревки спускаются к Днепру. У Киева славяне пристают со своими челнами к берегу и продают их русам.¹ Грубо обработанная колода обшивается бортами, оснащается веслами, уключинами, мачтами, и вот она уже готова в далекий путь. В нее грузится все, что добыто в течение зимнего полюдья путем сбора дани, поборов, грабежа и торговли: ценные меха, шкуры, мед, воск и рабы. В июне русы двигаются вниз по течению Днепра, некоторое время поджидают у Витичева отставших, а через два-три дня пускаются всем караваном в далекое путешествие. Они проходят пороги, где часто поджидают русских купцов алчные и воинственные печенеги, и особенно опасными в этом отношении считаются Неясыть и Крайрийская переправа. Приходится выходить на берег, оставляя вещи в однодеревках и, осторожно прощупывая ногами дно, толкать лоды шестами. У Неясыти к тому же приходится часть людей выделять для охраны каравана от внезапного налета хищных кочевников-печенегов. Но вот тяжелый путь через пороги остается позади. Показался остров святого Георгия. Здесь русы делают остановку и у огромного многовекового дуба совершают жертвоприношения. Еще немного — и на горизонте, в Днепровских лиманах, появляется остров святого Эвферия (Березань). Тут русы отдыхают два-три дня и готовят свои лоды для морского путе-

¹ В тексте сочинения Константина Багрянородного «*De administrando imperio*» термин «славяне» употребляется для обозначения платящих дань киевскому князю жителей земель славянских племен, подвластных Киеву, а термин «руссы» применяется по отношению к дружинникам, «мужам» киевского князя.

шествия, оснащают их мачтами, реями и парусами, и... снова в путь. Идут морем, держась берегов, делая остановки у Днестра, Белой и в других местах. До самой Селины их преследуют идущие по берегу печенеги, выжидающие добычу. Но вот русы проходят Дичин и «достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание». ¹ Впереди плещут голубые воды «Суда» и сверкают белые здания Константинополя. Здесь уже начинался торг. Отсюда русские купцы привозили золотые и серебряные вещи, дорогие ткани («паволоки»), фрукты, вина, пряности, стеклянные изделия, «сосуды различные» и «всяко узорочье»: украшения, изделия из эмали и т. д. Здесь они продавали меха, воск, мед и рабов. Для торговли рабами в Константинополе имелся особый рынок, «идеже рустии купци приходяще челядь продают». ² Об этой торговле Руси много и подробно говорят некоторые еврейские источники XI и XII вв. ³

Русские купцы торговали и с Византийским Крымом. С устья Днепра русские суда поворачивали на Херсонес (Корсунь). Значение торговли с Корсунем столь велико, что термин «корсунский» на Руси стал синонимом всего заморского, дорогого, изящного, редкого. Здесь же, у устья Днепра, еще в X в. было какое-то поселение русских воинов-купцов, откуда они ходили в Константинополь и Корсунь, зимовали, занимались промыслами и сталкивались с корсунцами (херсонеситами). Из этого поселения выросло Олешье XI—XII вв., где останавливались купцы — «гречники».

Значение торговли для развития мореходства на Руси трудно переоценить. Купцы-русы арабских писателей по Волге ездили в Бугары и Итиль, в «море» «Джурджана». Купцы-русы, по свидетельству Вениамина Тудельского, пробирались в Александрию, в Северную Африку, Блааланд скандинавских саг, где билась плечом к плечу русские и норманны русского отряда, посланного Владимиром на помощь византийским императорам; а Масуди говорит об одном русском племени, которое торговало «с Андалус», т. е. той самой Андалузией в Испании, куда во времена Святослава, по свидетельству Иби-Хаукаля, разгромив хазарскую столицу Итиль, направился отряд русов. ⁴

¹ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, стр. 8—10.

² «Памятники древней письменности», 1881, стр. 85.

³ Марголин. Три еврейских путешественника XI и XII столетий, 1881, стр. 146.

⁴ Марголин, ук. соч., стр. 138, 146. — А. Я. Гаркави Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 127—138.

Все эти торговые поездки и военные походы могли быть предприняты лишь по морям. Так складывался и приобретал все большее и большее значение на начальных этапах истории древней Руси великий водный путь «из варяг в греки», важнейшая торговая артерия Руси и в X и в XI вв.

Это был путь мирной торговли, путешествий «слов» и «гостей», поездок «воев», отправлявшихся на службу к императору и сражавшихся в рядах византийского войска и в командах византийских кораблей на Крите и в Сицилии, у стен Бари и Хризополя, путь морских походов и набегов. Этим путем ездил в Царьград и княгиня Ольга.

В нашей летописи и крещение Ольги, и путешествие ее в Константинополь обросло легендой. Но о крещении Ольги и путешествии ее в Константинополь, кроме летописи, говорят византийские источники: Скилица (в компиляции Кедрина), Зонара, Константин Багрянородный, немецкие хроники («Продолжатель Регинона», Гильденгаймская, Отенбургская, Кведлинбургская, Ламберт, Титмар Мерзебургский, *Analista Saxo*) и, наконец, русские «похвалы» (Иаков Мних) и «жития» («Обычное Житие», «Проложное Житие» Владимира, «Проложное Житие» Ольги).

Нас не может сейчас интересовать вопрос о принятии Ольгой христианства, и все, что связано с этой проблемой, я опускаю и отбираю лишь то, что относится к ее поездке в Царьград.

Ольга прибыла в Царьград летом или в начале осени 957 г. Целью ее поездки едва ли было только официальное принятие христианства, как об этом сообщает наша летопись. Повидимому, речь шла об изменении в пользу Руси условий торговли с Византией, предусмотренных договором Игоря 944 г., неблагоприятным для русских купцов. Не случайно в составе посольства Ольги упоминаются 42 купца, что, быть может, указывает также на то, что для своей поездки Ольга использовала обычный торговый караван, направлявшийся из Киева в Византию.

Помимо этой, посольство Ольги преследовало и другие цели, а именно — заключение какого-то соглашения с Византией, причем, повидимому, Русь обязывалась давать «вой в помощь», а Византия должна была учредить христианскую церковь на Руси, что должно было усилить ее связи со странами христианского мира и укрепить ее международное положение. Таким образом, поездка Ольги носила дипломатический характер. Судя по тому, как Ольга расценила прием, оказанный ей Константином Багрянородным, она ожидала в Константинополе иной, более радушной встречи и иных, более эффективных для Руси и для себя результатов поездки в Царьград.

Об этом говорит летописное сказание о поездке в Царьград, в котором все время выступает один и тот же мотив — император

домогается, а «вещая Ольга» дает отпор императору. Ищущей стороной в рассказе летописца, который основывался на народной легенде, все время выступает император, а хитрая Ольга, сохраняя собственное достоинство, умело парируя его домогания, добивается своего.

Тем не менее стремление Ольги найти в византийском императоре союзника для реализации своих планов не увенчалось успехом. Император Константин недооценивал могущества Руси, не представляя себе истинного соотношения сил между Империей и Русью, которое побудит его преемников обращаться к Киевскому князю за помощью.

Наш летописец был гораздо ближе к истине. Поездка Ольги в Царьград обросла легендой. Летописная легенда отражает не подробности приема Ольги византийским императором, а реальные силы Руси, которые давали возможность Ольге вести себя в Царьграде во время переговоров с императором так, как об этом говорит летописец. Летопись отражает настроение Ольги, вернувшейся к себе на берега Днепра после поездки в Царьград. Она отчетливо представляла себе, что ее неудача — ошибка византийской дипломатии, и придет пора, когда гордая Византия вынуждена будет обратиться за помощью к Руси, пойдя на уступки, быть может, гораздо большие, нежели те, которых она добивалась.

Летопись сообщает, что когда, якобы, император послал к Ольге послов и объявил ей, что сам собирается на Русь и просит «вои в помощь», она отвечала: «аще ты, рыци, такоже постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду, то тогда ти дам». В этих словах сквозит обида оскорбленной Ольги. «Подожди, настоишься и ты у меня на Почайне, как стояла я в Суде»,¹ говорит она, и эта фраза отражает настроение Ольги после поездки к императору, во всяком случае в той форме, в которой оно отразилось в народном эпосе и попало на страницы «Повести временных лет».

Повидимому, Ольга прибыла в Константинополь летом, так как купеческий караван ушел из Киева, как всегда, в конце весны или в начале лета. Прибыв к Царьграду, Ольга долго не могла добиться аудиенции и ожидала у стен Царьграда, в Суде (Босфоре). И только в среду, 9 сентября 957 г., состоялся первый прием «игемона и архонтиссы русов», описанный Константином Багрянородным. Ольгу сопровождала большая свита: ее племян-

¹ Суд (sund) — пролив, в данном случае Босфор. В этом рассказе о поездке Ольги в Царьград есть одно интересное место. Мы узнаем, что суда, шедшие из Царьграда по Днепру вверх, доходя до Киева, останавливались на Почайне, а русские суда, приходившие к Царьграду, приставали к берегу Суда, т. е. «Зунда» — пролива Босфора.

ник, не названный, к сожалению, по имени, 8 «приближенных людей», 22 посла русских князей (*αποκριτάριοι*), 16 «приближенных женщин», «люди» Святослава, 18 прислужниц, слуги из свиты послов (апокрисариев), 2 переводчика, особый переводчик княгини и много различных слуг. Апокрисарии, т. е. послы русских князей, в свите Ольги, кстати, сами имевшие свою свиту, это, несомненно, те самые «слы» «светлых» и «великих князей», «всякого княжья» Руси, о которых упоминают договоры русских с греками Олега и Игоря.

Константин Багрянородный дважды принимал у себя во дворце Ольгу и сопровождавших ее лиц, устраивая в ее честь званые обеды и одаривая ценными подарками.

Когда уехала Ольга и с какими результатами, о чем беседовала она с императором, мы не знаем. Но, очевидно, ее поездка не привела к ожидаемым результатам.

Обращает на себя внимание сам прием Ольги. Хотя Скилица-Кедрин сообщает, что Ольгу принимали с большим почетом, тем не менее она ожидала иного, и горечь ее разочарования отразилась в летописном рассказе. Ольгу принимали и одарили, как послов, очень важных, но все же только послов. В частности, незадолго до приезда Ольги в Константинополь было принято посольство сирийских правителей — Гамданидов. Прием его ничем по сути дела не отличался от приема Ольги за исключением того, что Ольга была избавлена, как «игемона и архонтисса» от поклонов и челобития императору, которое требовалось от других послов.

Это не могло не стать известным Ольге и глубоко ее оскорбило. Обидным было длительное и томительное ожидание первой, а затем и второй аудиенции. Посольство Ольги, повидимому, не привело ни к каким результатам и в отношении реализации тех планов в области расширения торговли Руси с Византией и улучшения положения русских купцов в Византии, в деле укрепления русско-византийского союза и учреждения христианской церкви в Руси, реализация которых была целью путешествия Ольги в Византию.

Нет никакого сомнения в том, что бесплодность переговоров Ольги в Константинополе означала опасения со стороны императора дальнейшего укрепления Руси. Этот страх и недоброжелательство, так ярко проявившиеся в поведении Константина Багрянородного по отношению к Ольге во время пребывания ее в Царьграде, чреватые были серьезными осложнениями прежде всего для самой Византии. Прошло немного времени, и Византия стала пожинать плоды своей недальновидной политики.

Итак, миссия Ольги кончилась ничем. И единственным следом ее явилось «Блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань (подарки? — В. М.), ходивши ко Царю»

городу... Во блюде же камень драгий, на том же камени написан Христос;... у того же блюда всё по верхови жемчюгом учинено». ¹ Это блюдо видел Антоний на рубеже XII и XIII вв. при своем посещении Константинополя.

Прошло несколько лет. Византия, изнемогавшая в борьбе с арабами, должна была прибегнуть к помощи могущественной Руси, как это она делала не раз.

Не осталось и следа той недоброжелательности, которая, тщательно скрываемая под маской любезности, так ярко отразилась в рассказе нашей летописи.

В 961 г. император Роман II просил у Ольги дать ему «воев» для организации похода на Крит. Ольга пошла навстречу империи. Помощь была оказана, и между Византией и Русью установились нормальные сношения, сменившие ту натянутость и недоброжелательство, которые характеризовали русско-византийские отношения во времена Константина Багрянородного.

Новым этапом в истории морских походов русских явились войны Святослава.

Взоры Святослава были обращены на Восток, к Хазарии. Хазария становилась барьером, преграждающим Руси путь на Восток, враждебной силой, пытающейся приостановить процесс объединения под властью киевского князя русских племен, затормозить рост русской государственности и отрезать Русь от Волги, Дона и Кавказа.

Стремительное разрастание Руси, ее неуклонное продвижение на юго-восток, появление русских опорных пунктов в Крыму и на Тамани, походы русских на Закавказье, естественно, вызвали сильное беспокойство в Хазарии, где на русского князя смотрели как на узурпатора, захватившего еще недавно им, хазарам, принадлежавшую власть над племенами Приднепровья и сопредельных славянских земель, лежавших к востоку от Днепра, племенами, которые еще недавно были данниками кагана, о чем очень хорошо помнили в Хазарии времен Святослава. Хазария становилась все более и более враждебной, и столкновение ее с молодым, но могущественным русским государством, «собиравшим» под опекой Киева все «славянские языки» Восточной Европы, было неизбежным. В этой связи большой интерес представляют анонимные греческие отрывки, носящие в литературе название «Записки греческого (или готского, — В. М.) топарха». В них говорится о том, как жители города Климаты и их «сторонники», «не имея никакого понятия о царской милости или не зная

¹ Цит. по Д. В. Айналову. Дар святой княгини Ольги в ризницу святой Софии в Царьграде. Труды XII Археологического съезда в Харькове, т. III, М., 1905, стр. 1.

греческих нравов и любя более всего независимость, будучи соседями сильного царя, обитавшего на север от Истра», решили спастись от нападений варваров, опустошавших их страну, при соединении к «царствующему на севере Истра». Они склонили к этому и самого автора «Записки», повелителя города и области Климаты, который и отправился к своему могучему северному соседу.

«Царствующий на севере Истра» охотно принял его под свое покровительство, отдал топарху Климаты, присоединив еще целую область, и определил значительные годовые доходы. В «Записке» описываются путешествие на север, переправа через Днепр в условиях холодной зимы, города и поселения низовьев Днепра и прибрежной полосы и их население, нигде, правда, не называемое, но в котором нетрудно усмотреть тех же местных жителей, которые населяли и Климаты.

Можно считать установленным, что время действия «Записки Готского топарха», судя по астрономическим наблюдениям (при переезде топарха через Днепр Сатурн был в знаке Водолея, что имело место именно в указанное время) — 962—963 гг. Место действия «Записки» — Крым, Черноморское побережье, низовья Днепра. Климаты с прилегающей к ним областью находились в Крыму. «Царствующий на севере Истра», т. е. Дунай, был, несомненно, Святослав, так как для Византии, для грека метрополии, Русь была, действительно, на севере от Истра, а топарх, повидимому, именовал своего могущественного соседа так, как называли его в Византии. В варварах, опустошавших независимые или почти независимые от Византии города и области, также нетрудно усмотреть хазар, пытавшихся вернуть себе влияние в Крыму.

Здесь, в Крыму, на севере и востоке полуострова, лежали владения, подвластные киевскому князю.

Население Климатов и области имело нравы, одинаковые с обычаями, господствующими в землях «царствующего на севере Истра». Это — еще одно указание на связи, культурные и бытовые, между коренным населением Тавра и Руси, которые не раз отмечают греческие источники. Старинные связи русских и обитателей Крыма, наличие русских земель и владений в Крыму — все это приводило к естественному тяготению жителей Тавра к Руси, что отмечают и византийские и русские источники.

Изучение «Записки» и связанной с ней литературы дает основание нарисовать такую картину событий в Крыму.

Жители города Климаты, разоряемые хазарами, заставляют своего топарха обратиться за помощью и покровительством к Святославу, владения которого находятся где-то тут же, не-подалеку, в Крыму.

Святослав охотно принимает это предложение, так как его влияние в Крыму таким образом еще более усиливается. Этим и объясняются его радушие и щедрость по отношению к топарху.

Таким образом, готовясь к борьбе с Хазарией, усилившей свою активность в Крыму, в непосредственной близости к его таврическим владениям, Святослав прежде всего заручается поддержкой тяготеющего к Руси местного населения, которое он берет под свое покровительство. Так подготовлялась война с Хазарией.¹

И когда, в 964 г., Святослав «Иде на Оку реку и на Волгу», то главной его задачей был удар по Хазарии и только попутно, продолжая традиционную политику подчинения Киеву славянских племен, он «налезе Вятичи». И «рече Вятичем» Святослав: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаром по щлягу от рада даем». Это был поход «сквозь вятичи», имевший целью пробиться на Волгу и вступить на территорию собственно Хазарии и только. Повидимому, Святослав не задерживался в Вятичской земле и не возвращался в Киев, отложив дело освоения Вятичской земли и обложения ее населения данью на более позднее время, когда закончится война с хазарами. Вот поэтому-то уже в следующем, 965 г. Святослав «Иде... на Козары». «Слышавшие же Козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав Козаром, и град их Белу Вежю взя. И Ясы победи и Касогы».²

Так рассказывает о походе Святослава на хазар «Повесть временных лет», датируя разгром хазарского кагана 965 г. Летописный рассказ дает основания предполагать, что военные действия развернулись где-то в районе низовья Дона и на Северном Кавказе. Здесь стоял Саркел, и жили в степях и предгорьях Кавказа ясы и касоги (черкесы, которых их соседи, осетины, и теперь называют «кясäg»). Ясы жили и в степях Подонья. О походе русских на Хазарию во времена Святослава говорит и арабский писатель X в. Ибн-Хаукаль. В своей «Книге путей и государств» (977—978 гг.), рассказывая о городе Булгар (Великие Булгары), он сообщает, что «...Русы ограбили его, Хазран (торговая часть Итиля, — В. М.), Итиль и Самандар (Семендер) в 358 (969) году и отправились тотчас в Рум и Андалус». Далее говорится о торговле русов

¹ «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. Перевод Д. Попова, 1820, стр. 193—197. — А. А. Куник. О записке готского топарха. «Записки Академии Наук», 1874. — А. Васильевский. Русско-византийские отрывки. Записка греческого топарха. ЖМНП, 1876, СХХХV. — А. Н. Насонов, ук. соч., стр. 92, 93.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 63—64.

«в Булгаре прежде чем они разрушили его в 358 году». И, наконец, рассказ Ибн-Хаукаля заканчивается тем, что он повествует о дальнейших судьбах народов Поволжья, подвергшихся нападению русов. «Русы напали на всё это, разрушили всё, что было по реке Итиль, принадлежавшее Хазарам, Булгарам и Буртасам, и овладели им. Жители Итиля же убежали на остров Баб-аль-Абваб, а часть их живет на острове Сиа-Ку в страхе».¹

Таким образом, если летопись датирует поход Святослава на Хазарию 965 г. и локализует действия его дружин Подоньем и Северным Кавказом, то Ибн-Хаукаль говорит о походе русов во времена Святослава на болгар, буртасов и хазар и районом действия русских отрядов считает огромную территорию от Камы до Семендера.

Для решения вопроса о том, как согласовать сообщение летописи с рассказом Ибн-Хаукаля, чтобы установить, были ли русские дружины Святослава теми же самыми русами, о которых говорит этот великий путешественник по землям мусульманского Востока, важно узнать, был ли сам Ибн-Хаукаль на Волге, притом после 969 г. или вплоть до написания им своей «Книги путей и государств» (977—978 гг.) он знал о походе русов только по рассказам джурджанцев.

Можно полагать, что второе предположение более вероятно. Только одно место в рассказе Ибн-Хаукаля говорит, казалось бы, за то, что он сам побывал в бассейне Волги. Говоря о краткости летних ночей, он замечает: «Я был свидетелем того, что указывает на правдивость такой вещи, когда я был поблизости от их страны...». Но в сочетании Ибн-Хаукаля встречаются не раз места, где из источников выписываются рассказы в первом лице без указания того, что это говорит именно источник, а не автор. Кроме того, остается неизвестным, — было ли это путешествие, даже если предположить, что оно действительно имело место, до или после 969 г. Таким образом, мы, отнюдь, не должны считать, что 358 г. гиджры (ноябрь 968 г. — ноябрь 969 г.) был именно годом нашествия русов. Скорее всего это был год, когда Ибн-Хаукаль, находившийся в Джурджане, узнал, со слов местных жителей и беглецов из Хазарии, о недавнем нападении русов.

Об этих беглецах из Поволжья сообщает Ибн-Хаукаль: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области, которые и перешли во власть их (русов); кто спасся от их руки, те рассе-

¹ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 218—229.

ались по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними договор и вернуться под их владычество».¹

Между нашествием русов и рассказом о нем джурджанцев, записанным Ибн-Хаукалем, прошло несколько лет. Беглецы из Итиля и Семендера, разрушенных русскими войсками, уже некоторое время жили на островах Баб-аль-Абваб (быть может, остров Чечен) и Сиа-Ку («остров Сиях-Кух»), то есть на полуострове Мангышлак,² примирившись с мыслью, что бывшие владения кагана останутся под властью русских, и хотели заключить с русами договор и вернуться в родные края для того, чтобы остаться там жить уже под иноземной властью. Вот, наверное, рассказы этих беглецов в переделке джурджанцев и послужили основой для рассказа Ибн-Хаукаля.

Что же касается его сообщения о том, что русы тотчас же отправились в «Рум и Андалус», то это место в рассказе Ибн-Хаукаля заслуживает внимания.

На первый взгляд покажется невероятным морской поход русов в далекую Андалузию.

Надо было пройти Босфор и Мраморное море, Дарданеллы и Эгейское море, переплыть Средиземное море, пройти между Европой и Африкой, плывя водами Гибралтарского пролива.

Но современники были иного мнения о мореходных качествах русских.

Масуди, сообщая о нападении язычников на Андалузию («Андалус»), Испанию, писал, приводя различные взгляды на этническую принадлежность этих язычников:

«Я же думаю... что этот народ — Русы, ибо никто, кроме них, не плавает по этому [Черному] морю, соединяющемуся с морем Укиянус [океаном]».³

Недаром арабские источники связывают с русскими нападением и на Севилью в 844 году, о чем писал вскоре после 890 года под свежим впечатлением первого русского похода на Закавказье, Ахмед-аль-Якуб-ал-Кетиб, и на Сан-Яго-де-Компостелла и другие города и области Испании весной 970 и летом 971 г.⁴

Для арабских писателей русские — искусные и смелые мореходы и появление их в отдаленных от Руси уголках христианского и мусульманского мира ни у кого не вызывает удивления.

¹ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 35.

² С. П. Толстов. Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 93.

³ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 129.

⁴ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 63.— В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 36.

Поэтому не только морские походы русских, но и других народов, арабы связывают с русами и считают этих последних инициаторами и организаторами многих смелых военно-морских предприятий.

Если мы обратимся к будущему, то следует напомнить, что «дубы» и «чайки» запорожцев, мало чем отличавшиеся от лодий их далеких предков, русских IX—X вв., плавали в водах не только Черного моря, но и в водах Балтийского моря, шведских шхерах, у Дюнкерка, участвовали во взятии Сарагоссы в Испании, а русские поморы и казаки землепроходцы, следуя традициям пращуров, совершали героические плавания по водам Баренцова и Белого морей, Ледовитого и Тихого океанов, Берингова пролива и побережья Шпицбергена.

Поэтому я считаю вполне возможным появление русских судов и у берегов далекой Испании в X в.

Действительно, взятие русскими Итиля и Семендера отнюдь не было просто налетом вольницы. Русы пытались обосноваться в завоеванных ими землях надолго, навсегда и считали покоренные края своей землей подобно тому, как позднее Святослав считал «своей» землей края, добытые им мечом, отвоеванные им в тяжелой борьбе «города по Дунаю».

Мы видели, что поход русов на Бердаа 944 г., поход на Волгу и на Кавказ в 60-х гг. X в., войны Святослава на Дунае и Балканах — все это звенья одной и той же цепи, которые отражают «стремительное разрастание империи Рюриковичей» (К. Маркс). Русские стремились укрепиться на Востоке, захватить здесь земли, распространить на них свою государственность. Беглецы из Итиля и Семендера прекрасно понимали, что русских не прогонишь, что они прочно закрепились на завоеванной территории, и единственной своей целью ставили заключение соглашения с ними для того, чтобы вернуться в родные края и там уже жить под властью русских, которые, наверное, предоставляли им возможность нормально жить и заниматься своим делом, как это было в Бердаа в 944 г. Во всяком случае беглецы были исполнены надежды на то, что это удастся, и оставались жить поблизости от своих разгромленных и захваченных городов. На это у них, повидимому, были какие-то основания. И их надежды оправдались. Беглецы вернулись к себе домой, так как русы ушли, но отнюдь не под чьим-либо давлением. Они действительно «отправились тотчас в Рум», т. е. в Византию. Внимание Святослава привлекли другие дела. Перед ним встали другие, несравненно более грандиозные задачи. Обстановка была благоприятная, и со всем присущим ему пылом и энергией он принялся за их реализацию.

Вот этот-то поход «в Рум» и отразил в своем рассказе Ибн-Хаукаль.¹

Задача на Востоке была решена — Хазария уже никогда не смогла оправиться от нанесенного ей Русью удара.

Но такого рода трактовка вопроса не исключает возможности перехода части русских судов в Черное море, откуда они могли отправиться и далеко на Запад, в Испанию, в Андалузию и, как это уже указывалось, такого рода далекий поход русских мореходов современники-арабы считали совершенно естественным. Русские отряды с конца X в. будут не редкостью в Мраморном, Эгейском и Средиземном морях. Но об этом ниже.

Поход Святослава «в Рум», т. е. на Византию был обусловлен не только обычной тягой к Царьграду, но и стремлением к созданию могущественной державы на Дунае, к превращению Руси в сильнейшую черноморскую державу.

Карл Маркс называет эту тенденцию Святослава «традиционной политикой России».²

М. Д. Приселков полагает, что поводом к грандиозным балканским войнам Святослава явилась борьба Византии, Руси и Болгарии за Крым, в частности, за «хазарское наследство» в Крыму.³

Карамзин называл болгарскую политику Руси «бесрассудным намерением Святослава». При этом он считал, что утверждение власти киевского князя в Болгарии было невозможно за дальностью расстояния и иноплеменным составом населения.

Вряд ли с этим можно согласиться, так как на берегах Дуная, Прута и Серета в те времена не было ни молдаван, ни валахов, а стояли русские поселения, незаметно, за Дунаем, переходившие в болгарские.

Печенег отделили Киев от «городов по Дунаю» в X в. так же, как половцы в XII в., что не мешало и Мономаху, и Ивану Берладнику, и Ярославу Осмомыслу сажать своих посадников в «городах подунайских», писать свои грамоты из Берлади и «суды рядить» по Дунаю.

Половцы были гораздо сильней и опасней печенегов, а между тем, хотя половецкие вежи протянулись по степям, Тмутаракань и Корчев продолжали оставаться землями русских князей и стали, как и все Лукоморье, «землей незнаемой», потерянной лишь в конце XII в.

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 36.

² К. Маркс. «Традиционная политика России». Соч., т. IX, стр. 439.

³ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, серия ист. наук, вып. 8.

Мы не можем и не должны в настоящей работе говорить о войнах Святослава с болгарами и греками, тем более, что этот вопрос был рассмотрен мной в книге «Образование древнерусского государства».

Я хочу коснуться лишь одной стороны вопроса, а именно морского элемента в походе Святослава на Дунай и в расположенные за ним области. Поход на Болгарию летопись датирует 967, а Иоанн Скилица — августом 968 г. Поход был предпринят и сушей, и по морю. Русские появились на Дунае внезапно, — Святослав сумел сохранить глубочайшую тайну.

Болгары не раз предупреждали Византию о походах русских и, с целью предохранения и своих и византийских прибрежных городов от нападения русских, держали приморскую стражу. Направляясь на Византию в лодьях, русские обычно держались берега и проходили мимо Селины, устья Дуная, Конопа, Варны, Дичина и других мест Болгарии. Так ходили русские в Византию и для торговли и для войны. На этот раз русские вошли в Дунай незамеченными.

Узнав о том, что Святослав уже на Дунае, болгарский царь Петр бросил против русских свое тридцатитысячное войско. Святославу пришлось решать трудную задачу — высадить с судов воинов своего авангарда в тот момент, когда берег был занят болгарскими воинами, и дать им бой. Русские с честью вышли из затруднительного положения. Они быстро сошли с судов, построились, как обычно, «стеной», в несколько рядов и, укрываясь от вражеских стрел, мечей и ножей своими длинными, до самых ног, щитами, обнажив мечи, вступили в битву с болгарами «и начали поражать их без всякой пощады» (Лев Диакон). Стремительность удара храбрых русских воинов обеспечила за ними поле битвы. Болгары не выдержали первого же удара русских и обратились в бегство. Отступившее болгарское войско заперлось в Доростоле (Дристре).

Узнав о поражении своего войска, болгарский царь Петр заболел и вскоре умер.

Битва на берегу Дуная при высадке с судов русских воинов была началом разгрома Болгарии. В короткий срок почти вся Восточная Болгария была завоевана русскими и подчинена Святославу. «Одоле Святослав Болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на Грьцех», — сообщает летопись. Об этих 80 городах (цифра, быть может, неточная), завоеванных Святославом в Болгарии, столетия спустя еще помнили на Руси, и в списке русских городов, «дальних и ближних», помещенном в Воскресенской летописи, упоминаются многие из них (Видицов, Мдин, Трънов, Дрествин, Дичин, Килия, Новое Село, Аколятря, Карна, Ка-

варна).¹ Знают об этих городах Карне, Каварне, Килии, Аклятре и Дрествине (Καρέα, Καρνάβα, Κιλιά, Γαλιάρη, Δρέστρα) и Акты Константинопольского патриарха XIV в., где они выступают и не болгарскими и не византийскими, следовательно, русскими.² Но об этом подробнее ниже.

Сам Святослав обосновался в Переяславце (Малой Преславе), на южном рукаве Дуная, у впадения в море. Это была «середина земли» его, «яко ту вся благая сходятся: от грек золото, паволоки, вина и овощие различные, из Чех же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь».³

Здесь он «имал дань» с Византии, т. е. получил, очевидно, обещанное Никифором Фокой вознаграждение. Святослав стремился остаться в Болгарии.

Вскоре началась война с греками. Новый византийский император Иоанн Цимисхий начал с того, что направил на Дунай флотилию в 300 судов, «чтобы скифам, обращенным в бегство, нельзя было уплыть в свое отечество, к Киммерийскому Боспору» (Лев Диакон).

Эпопея великих битв Святослава на Дунае свидетельствует о том, что своей флотилии русский князь придавал очень большое значение.

Когда на Дунае показались «огненные корабли» греков, по приказу Святослава русские «немедленно собрали все свои лодьи» (Лев Диакон) и поставили их на берегу Дуная, у городской стены Доростола. Греки не отважились проникнуть вслед за ними и дать им бой, несмотря на то, что располагали «греческим огнем», и остались выжидать, блокировав Доростол со стороны реки и отрезав путь отступления русским.

Но блокировать полностью русский флот не удалось. Искусные русские воины-мореходы предпринимали вылазки и добывали продукты питания для осажденного в Доростоле русского воинства.

Однажды темной, безлунной, дождливой ночью двухтысячный отряд русских воинов совершил необычайно дерзкую вылазку на лодьях. «Собравши откуда каждый мог хлеба, пшеница и прочие питательные продукты для жизни, они по реке на челноках ввозят все в Доростол. Во время обратного плаванья, увидя на берегу реки немало слуг и солдат, тех, которые поили лошадей, и других, кормивших лошадей, а некоторых пришедших

¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 240.

² Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 335. — В. В. Мавродин. Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, вып. 87, 1943.

³ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 66

за дровами, выйдя из своих судов, без шума и неожиданно нападают на них, многих убивают, а остальных заставляют рассеяться в соседних чащах, затем вступают в свои челны и, напутствуемые попутным ветром, несутся к Доростолу.

Узнавши об этом, царь впадает в страшный гнев и обвиняет начальников флота в сильном преступлении, что они не узнали об отплытии варваров из Доростола. Угрожал он им и смертью, если еще случится что-либо подобное».¹

Военные действия в последующее время развернулись на суше.

Но настал час, и снова встал вопрос о флотилии. Положение осажденных русских стало очень затруднительным. Из 22 000, оставшихся в живых, лишь половина сохранила боеспособность. Другая половина вследствие голода, болезней и ранений вышла из строя и принимать участие в битвах не могла. Голод принимал угрожающие размеры. Помощи ждать было неоткуда. Греческие «огненосные» суда отрезали пути отхода по Дунаю. 21 июля Святослав созвал совет, «коментон» (Лев Диакон). Собравшимся на военный совет начальникам, «доброименитым» «кметам» (советникам, руководящей знати, вождем русских «воев») Святослав охарактеризовал положение и поставил перед ними вопрос: «что делать?». Одни советовали тихо, в глухую ночь, сесть на суда, незаметно пробраться через цепь «огненных» судов греков и уйти на Русь, ибо дальнейшее сопротивление становится невозможным. Другие предлагали заключить с императором соглашение и таким образом спасти остатки войска, так как прорваться через греческую флотилию не удастся, и русские суда будут сожжены «текучим огнем».

Из обсуждения следует, какую роль играли суда в боевых действиях воинства Святослава. Видимо, у русских было немало лодий,² если они полагали возможным посадить все воинство на свои суда.

На заходе солнца 22 июля грянула последняя битва «скифов с римлянами». Одиннадцатитысячный русский отряд мужественно сражался с превосходящим его численностью противником, но внезапно поднявшийся сильный ветер понес прямо в лицо русским тучи пыли и песка, ослепляя их и затрудняя дыхание.

Натиск русских ослабел. В этот же момент, на них, окружая с флангов, напала греческая конница. Святослав начал отходить,

¹ Иоанн Скилица. Цит. перевод Д. А. Рабинович. Полного издания на русском языке перевода Иоанна Скилицы до сих пор нет.

² Я принимаю написание лодья, а не ладья, так как такого рода термин чаще встречается в древнерусских источниках и именно в этой форме он вошел в шведский и финский языки и отразился также в современном русском языке в написании слова лодка.

и вскоре ворота Доростола закрылись за последним русским воином. Кончилась решающая битва. Святослав не победил, но он не был и побежденным. Но что делать дальше? Ночью Святослав принял решение начать переговоры с Цимисхием. Он очищал Доростол, уходил из Болгарии, отсылал пленных греков императору и возвращался на Русь. Император же обязывался дать ему беспрепятственно выйти по Дунаю в море и возобновить старый договор. Цимисхий охотно согласился, утвердил условия мира и выдал русским по две меры (медимна) хлеба на каждого из 22 000 воинов. К Святославу явились послы Цимисхия.

Обстоятельства и условия переговоров Святослава с Иоанном Цимисхием заставляют еще раз высказать мысль, что поход Святослава на Дунай и дальше, в земли болгар и «ромеев», был не столько сухопутным, сколько морским. Войско Святослава уходило из Доростола, оставляя этот город грекам, по Дунаю в море, и преграждали ему путь на Русь во время войны с «ромеями» не пехота и не конница Цимисхия, а флот из 300 «огненосных судов». Следовательно, средством передвижения воинства Святослава были не лошади (кстати, византийские источники единодушно говорят о малочисленности конницы у «скифов»), вернее, не столько лошади, сколько лоды.

Поэтому я прихожу к выводу, что до сих пор в нашей исторической литературе (в том числе и в моих книгах) морской характер похода Святослава не подчеркивался, а это не соответствует действительности. Воины Святослава шли на Русь в лодьях, что, конечно, не исключает использования другой частью воинства старых сухопутных дорог, ведущих из Приднепровья на Дунай.

Единственный эпизод из эпопеи Святослава на Дунае, о котором Лев Диакон говорит, как очевидец, опять-таки рисует Святослава не на коне, а в лодье.

На берег Дуная прибыл Иоанн Цимисхий в пышных одеждах и позлащенном вооружении. Его сопровождала многочисленная свита, богато одетая, в блестящих доспехах. С того берега Дуная отчалила лодья. «Святослав переезжал реку... и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия. Видом он был таков: среднего роста, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода, шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином, посреди их вставленным. Одежда на нем была белая,

ничем, кроме чистоты, от других не отличная». ¹ Поговорив немного с Цимисхием о мире, причем этот разговор Святослав вел сидя на скамье лодьи, он переправился на другой берег. «Таким образом кончилась война Римлян с Россами», заключает Лев Диакон.

И на Русь Святослав отправился морским путем: «пойде в лодьях к порогом». Святослав не думал складывать оружие.

Он прекрасно понимал, что своей неудачей обязан численному превосходству греков и необычайно неблагоприятному стечению обстоятельств. Он говорил: «пойду в Русь и приведу боле дружины» и готовился возобновить борьбу.

Святослав был еще очень опасен, и в Византии знали это. Поэтому, когда он заключил мир с греками и вышел в море, «пойде в лодьях к порогом», Свенельд предупреждал его, указывая на то, что у порогов, как обычно, бродят печенеги, которые попытаются напасть на них и отобрать богатую добычу, которую везли с собой русские воины. А она была велика, так как Святослав «имал» дань и на живых, и на мертвых, заявляя «яко род его возьмет». Святослав не послушался совета воеводы и поднялся в лодьях по Днепру к порогам. Свенельд же, повидимому, с конной дружиной пошел правобережными степями и благополучно вернулся в Киев, к Ярополку. Как и ожидал Свенельд, печенеги были уже предупреждены греками и болгарями из Переяславца, что идет Святослав. Дружина русских мала, а «именье много», — говорили их гонцы печенегам. Хищные кочевники вышли к порогам. Пробриться через печенежские орды Святослав не мог и вынужден был зазимовать на Белобережье. Здесь снова русским воинам пришлось страдать от голода. «И бе глад велик, яко по полугривне глава коняча». ²

По весне Святослав вновь «пойде в пороги». Здесь на маленькую русскую дружину, измученную голодной зимовкой, напали орды печенежского князя Кури. Святослав был предательски убит.

Гибель Святослава не могла вынудить Русь отказаться от своих прав черноморской державы.

¹ «История» Льва Диакона и другие сочинения византийских писателей. Перевод Д. Попова, 1820, стр. 97.

² Указание на то, что голодающая дружина Святослава так высоко ценила «голову конячу» является еще одним подтверждением того, что Святослав плыл на лодьях и коней у него было мало. Плавание по морю не исключает наличия у русских и лошадей. О десантах пеших и конных воинов, высаживаемых русскими с судов, говорит Масуди.

3. МОРСКИЕ ПОХОДЫ ВО ВРЕМЕНА РАСЦВЕТА КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

После похода Святослава Русь и Византия находились во враждебных отношениях.

Об этом мы узнаем из продолжения хроники александрийского патриарха Евтихия, писавшего по-арабски и под арабским именем Саида Ибн-Батрика свою «Нить драгоценных камней», принадлежащего перу христианина Иоанна, известного тоже под своим арабским именем Яхьи Ибн-Саида.

Уже в 986 г. Византия оказалась в тяжелом положении — император Василий II Болгаробойца попал в засаду к болгарам под Средцем, был разбит и едва спасся «горною дорогой». По свидетельству современника этих событий византийского поэта Иоанна Геометра, в эту борьбу вмешались скифы, в которых нетрудно усмотреть русских. Следом этих событий является летописное упоминание о походе Добрыни и Владимира на болгар.

Быть может, к этому времени относится начало возобновления связей между Русью и Византией. В 986 г. военачальник византийской армии Варда Склир поднял восстание в Малой Азии. Весной следующего 987 г. Василий вызвал находившегося в заточении в монастыре на острове Хиосе родственника убитого византийского императора Никифора Фоки — Варду Фоку и поручил ему подавление восстания. В сентябре 987 г. Варда Фока разбил и захватил в плен Варду Склира, но в свою очередь поднял восстание и провозгласил себя императором, а в конце 987 г. войско мятежного Фоки стояло у Хризополя, расположенного в Малой Азии против Константинополя.

Положение Василия II было критическим.

«И стало опасным дело его, был озабочен им царь Василий по причине силы его войск и победы его над собой. И истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю русов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении; и согласился тот на это. И заключили они между собой договор о сватовстве и женитьбе царя русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему усло-

вие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя руссы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей к Хризополю. И победили они Фоку». Так говорит о событиях этого времени Яхъя. 13 апреля 989 г. Варда Фока вторично был разбит Василием при Абидосе. Сам Фока был убит.¹

Итак, в конце 987 г. или в самом начале 988 г. завязывающиеся между Русью и Византией отношения вылились в договор исключительной важности — Владимир организует и посылает на помощь Василию большое войско, а за это император выдает замуж за русского князя свою «порфирородную» сестру и обязуется ввести на Руси христианство.

Нужно сказать, что подобного рода договор был большой дипломатической победой Владимира и обусловливался тем катастрофическим положением, в котором оказался Василий.

В самом деле, Владимир обещал только набрать и послать в Византию отряд воинов, что вообще не было чем-либо новым, так как воины, по договорам Руси с Византией, всё время отправлялись на службу императору.

Византия же в лице своего императора гораздо большим поступалась в пользу Руси. В самом деле, «мужественный правитель Севера», к которому все же Византия обратилась как к простому князю (*ἀρχοντα Ῥωσσία*), тогда как при обращении к хазарскому князю употреблялись эпитеты «наиблагороднейший и наиславнейший», становился мужем «порфирородной», честь, в которой за год до этого отказали императору Оттону Великому, сватавшему за своего сына дочь Романа II, заявив, — «неслыханная вещь, чтобы порфирородная, (т. е. дочь рожденного в пурпуре, рожденная в пурпуре. — В. М.) вступала в брак с варваром».

Это было свидетельством критического положения Византии, могущества Руси и дипломатической победой Владимира одновременно.

¹ В. Р. Розен. Император Василий II Болгаробойца. Приложение к «Запискам Императорской Академии Наук», СПб., 1883, т. XLIV. — А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 98, 99.

Кроме того, Владимир становился родственником императора, получал определенный чин и определенное место в византийской придворной иерархии. И действительно, Владимир добился звания стольника византийского императора (τοῦ ἐπί τῆς τραπέζης). Император обещал также ввести христианство по всей Руси. Это обстоятельство имело двойкий характер. С одной стороны, император таким путем, что вообще чрезвычайно характерно для Византии, пытался распространить вместе с религией церковное влияние на Русь, а следовательно, что не разделялось в византийской практике, влияние политическое. С другой же стороны, способствуя превращению Руси в христианскую державу, Византия тем самым объективно вводила ее в ряды христианских государств Европы и укрепляла ее международное положение.

Летом 988 г. шеститысячный русский отряд был уже в Византии и сражался в войсках Василия. Боевые действия этого отряда, его путь, его судьба, представляющие для нас большой интерес, будут предметом нашего рассмотрения особо.

Морской поход русских во времена Владимира связан и с принятием Русью христианства.

Анализ и сличение различных источников [«Повесть временных лет», Новгородская I летопись, «Память и Похвала» русскому князю Владимиру Иакова Мниха, «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру» митрополита Иллариона, «Чтения» о Борисе и Глебе Нестора, «Жития» Владимира («Обычное», «Проложное», «Особого Состава»), «Слово о том, како крестился Владимир, возмня Корсунь» и др. русские источники, а также Яхъя, Кедрин, Зонара, Михаил Пселл, Асохик и др.] дают возможность сделать вывод о том, что Владимир крестился сразу же после заключения им соглашения с Василием II о помощи, женитьбе и крещении, т. е. в конце 987 г.

Это подтверждается и «Житием» Владимира, в котором речь идет о том, что «по святом крещении поживе блаженный князь Владимир лет 28», а так как Владимир умер 15 июля 1015 г., то, следовательно, год его крещения — 987. То же самое говорит «Память и Похвала» Иакова Мниха, по которой Владимир берет Корсунь «на третье лето» по крещении, а Херсонес был взят в 989 г., следовательно, год крещения — 987 (мартовский).¹

Древнейшие русские источники говорят о местных корнях христианства Владимира, о крещении его в Киеве кем-либо из

¹ А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 102, 103, 106. — М. С. Грушевский, ук. соч., стр. 501. — Р. В. Жданов. Крещение Руси и начальная летопись. «Исторические записки», № 5, 1939, стр. 109.

представителей многоязычного, многоплеменного Киевского христианства.

Крещение это могло быть совершено без соблюдения всех правил восточного христианства, по христианскому обряду вообще, без учета намечающихся между западно- и восточно-христианской церковью различий, и это, равно как и то, что Византия в деле крещения Владимира оказалась обойденной, привело к сознательному искажению действительности греческими священниками в те времена, когда русская «книжность» оказалась в их руках.

Так родилась «Корсунская легенда».

Она была внесена в «Начальный свод», сделалась официальной версией о крещении Руси и, устранив древние свидетельства о нем, превратилась в орудие определенных церковно-политических тенденций. Автором ее был грек-христианин, один из создателей и строителей древнерусской церковной организации, человек, хорошо знающий топографию Херсонеса, вставляющий греческие слова в русскую речь («кубара», «лимен», «василика»), один из «корсунских попов» Десятичной церкви.¹

Старинные рассказы и, повидимому, источники, говорившие о крещении Владимира на Руси (Киеве, Василеве), о походе Владимира-христианина на Корсунь, сознательно игнорировались, замалчивались летописцами, и лишь отдельные отрывки этих местных, русских, достоверных сообщений, рисующих все события, связанные с крещением Владимира и Руси в ином свете и в соответствии с действительностью, сохранились и дошли до нас только в других источниках, причем искаженные и неполные. Итак, мы с полным основанием можем считать, что поход на Корсунь был предпринят Владимиром уже после принятия им христианства. Но почему Владимир, только что заключивший соглашение с Василием «о сватовстве и женитьбе», вдруг внезапно нападает на крымские владения своего шурина? Нет никакого сомнения в том, что поход Владимира на Корсунь был вызван тем, что Русь, выполнив свои обязательства по договору с Василием, ожидала того же от Византии. Последняя же, получив шеститысячный русский отряд, не торопилась осуществить договор: выдавать замуж за «варвара» «порфирородную» Василий все же не хотел.

Мы не знаем, почему за год до Корсунского похода Владимир «к порогам ходи», но мы можем предположить, что здесь, очевидно, он ожидал Анну, выйдя ей навстречу и остановившись в том месте, где византийской миссии, в составе которой должна

¹ А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 99, 100, 104, 109, 111, 113, 114. — С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Руси. «Историк-марксист», кн. 2, 1937. — Р. В. Жданов, ук. соч., стр. 16, 17, 19, 20, 23, 24, 28.

была прибыть и Анна, угрожала опасность от печенегов, постоянно подкарауливавших русских у порогов. Здесь и оставился Владимир со своей дружиной, поджидая греческих послов, отсюда он повернул, не дождавшись Анны, к себе в Киев для того, чтобы на следующий год выступить в поход на Корсунь и, таким образом, оружием вынудить Василия выполнить свои обещания.

Русские суда весной 989 г. спускаются вниз по Днепру, выходят в море и пристают у Херсонеса.

Место высадки русского десанта, отрезавшего Корсунь от суши (вариант А. А. Шахматова, предположившего, что первые шесть месяцев Владимир блокировал Херсонес только с моря, должен быть отброшен как совершенно не соответствующий условиям местности¹), различными исследователями приурочивается к разным пунктам побережья. Бертье-Делагард полагал, что высадка русских воинов с лодий имела место в Карантинной бухте, которая длинным и узким, причудливо извивающимся заливом, заходит далеко в глубь берега у самых стен Херсонеса и отделяет город от Севастопольского рейда.² Б. Д. Греков резонно возражал Бертье-Делагарду, считая, что прорыв русского флота в Карантинную бухту был невозможен не только из-за той опасности, которую несли собой стены Херсонеса, но и потому, что в глубине бухты Владимир мог встретить укрывшийся в ней греческий флот, а войдя в нее, мог быть отрезан с моря греческими судами.

Поэтому Б. Д. Греков полагает, что местом высадки Владимира была Стрелецкая бухта, где он и расположился лагерь «дали града стрелище едино».³

С этим следует согласиться, исходя из конфигурации берегов, в чем я мог убедиться, специально исследовав в 1929 г. побережье Черного моря у Херсонеса, и из того, что только такое предположение объясняет то место в летописи, где говорится «кладези яже суть за тобою (Владимиром, — В. М.) от востока».⁴

Дата похода на Корсунь и осады города может быть установлена точно. Продолжатель «Истории» Льва Диакона Калойского Михаил Пселл говорит, что «явление кометы и огненные страшные столбы, видимые ночью на северной части неба

¹ А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сб. в честь В. И. Ламанского.

² Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС Акад. Наук, 1909, т. XIV, кн. I, стр. 248, 249 и др.

³ Б. Д. Греков. Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь. Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии, 1929, т. III, стр. 109 и др.

⁴ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 112.

предвещали... завоевание Херсона Тавроскифами и взятие Веррой Мисьянами.¹ Яхья Александрийский и Аль-Мекин датируют это небесное явление 7 и 11 апреля 989 г. Другое же явление, произошедшее 27 июня того же года, Михаил Пселл считает провозвестником октябрьского землетрясения. Следовательно, Корсунь был взят русскими между апрелем и октябрём, т. е. летом 989 г.

Осада была длительной и упорной. «И ста Володимер об он пол города, дали гряда стрелище едино, и боряхуся крепко из града. Володимер же обьстоя град. Изнемогаху в граде людье, и рек Володимер к гражданам: „аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лета“». ²

Русские насыпали перед стенами города земляной вал («приспу»), для того чтобы по нему ворваться в город. Корсунцы же «крадуще сыплемую перьсть» и относили к себе в город, ссыпая землю «приспы» «посреде града». Осада затягивалась. Но недаром еще со времен Игоря, а быть может, и ранее русское влияние распространилось на Крым; недаром в следующем, XI в. корсуняне убили своего котопана камнями за то, что он отравил русского тмутараканского князя Ростислава; недаром здесь еще в XIII в. остается какое-то русское население и действуют безыменные русские князья.³

Еще со времен Игоря какие-то земли в восточной части Крыма вошли в состав владений Киевского князя, а по ту сторону Керченского пролива раскинулись земли русской Тмутаракани. Со времен Святослава на Крымскую Готию распространился, как мы это знаем из «Записки Готского топарха», протекторат русского князя.⁴

Понятно, почему в осажденном Херсонесе нашлись люди, которые оказали помощь Владимиру.

«Житие Владимира особого состава», Плигинский список «Жития» говорит о том, что варяг, по имени Ждьберн, в записке, прикрепленной к стреле, пущенной в лагерь Владимира, сообщил русскому князю, по какому пути в город доставляются припасы. Владимир велел перекопать дорогу, и Корсунь сдался.

Другой вариант рассказа о взятии Херсонеса сообщает, что стрела была пущена рукой корсунянина Настаса (Анастаса), который указал Владимиру, где находятся водопроводные трубы, снабжающие город водой. Владимир приказал их перекопать, и город сдался.

¹ Д. Попов. «История» Льва Диакона Калойского... стр. 108.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 106.

³ В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа. Ученые записки Пед. инст. им. Герцена, т. XI.

⁴ С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. «Памятники христианского Херсонеса», т. III, М., 1908, стр. 81, 82.

Следует отдать предпочтение второму варианту, так как перекапывать сухопутную дорогу бессмысленно, тем более, что Владимир, очевидно, обложил город со всех сторон, и никакой подвоз был немислим. Другое дело — водопровод. Русские могли не знать и, действительно, не знали, каким путем корсунцы получают воду, и прекращение ее подачи, конечно, могло заставить херсонеситов сдаться Владимиру.

Но в обеих версиях речь идет о разных людях, и гораздо проще представить себе стреляющим в русский лагерь варяга Ждьберна, чем «курсунянина» Анастаса, который выступает позднее на Руси в роли киевского епископа. Не проще ли предположить, что исполнителем был варяг Ждьберн, а инициатором «курсунянин Анастас», будущий киевский епископ, за услугу взятый Владимиром на Русь, обласканный им и игравший большую роль на Руси вплоть до времен Святополка Окаянного.

Б. Д. Греков считает, что и «Анастас и Ждьберн могли действовать одновременно и даже сообща».¹

Корсунь был взят. Владимир послал гонцов к «Василью и Константину, глаголя аще „Се град ваю славный взях, слышу же се, яко сестру имата девою, да еще ее не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих».²

Угроза была реальной. Увидеть под стенами Византии русское войско не входило в расчеты императора. Пришлось выполнять условия договора с Владимиром, сумевшим мечом добиться восстановления своих погранных прав.

В Корсунь прибыла Анна. Отдав Корсунь Василию «за вено... царицы дееля», Владимир с Анной, Анастасом и «попы Корсуньски», взяв мощи святых Климента и Фифа, церковные суда, иконы, «ида (идолы, — В. М.) медяны две капищи, и 4 кони медяны», возвращается в Киев.

Началось крещение Руси.

Вернемся к судьбам русского отряда, посланного Владимиром на помощь византийским императорам. Русские воины на службе у византийских императоров не были редким явлением. «Русин» на службе у императора знают договора Руси с Византией.

О первых русских воинах в Византии говорит Константин Багрянородный. Сведения о них собрал в своей замечательной работе «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII веков» В. Г. Васильевский.³

¹ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 111.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 107.

³ ЖМНПР, 1874, ч. 176—178.

Из сочинения Константина Багрянородного «De cerimoniis aulae byzantinae» мы узнаем, что русский отряд в 700 человек принимал участие в морском походе на Крит в 902 г. и сражался с арабами, за что и получил 100 литров серебра.

Нам известно о других морских походах русских в составе византийского флота уже в более позднее время. Речь идет о походе в Италию, против лангобардов, в 936 г., при Романе Лакапине, в котором принимало участие 415 русских воинов; о походе на Крит в 949 г., когда в составе греческой флотилии было 9 русских судов с 629 воинами.¹

В это время 7 русских судов находились в Диррахиуме и Далмации, а остальные в Калабрии и Испании. В поход на Крит отправилось 9 русских кораблей и две галеры с пленными, вооруженными и принимавшими участие в боях. Интересно отметить, что русские воины, принимавшие участие в морских походах византийских императоров, получали более высокое жалованье, чем их иноплеменные товарищи, также служившие наемниками у «ромеев».² Это свидетельствует о том, что русских мореходов Византия высоко ценила. В 961 г. Роман II просит у Ольги помощи для организации похода на Крит. Эта помощь была оказана, и снова русские воины в составе византийского войска, организованные в особый отряд, предпринимают морской поход на далекий Крит. Как мы уже видели, летом 988 г. шеститысячный отряд русских воинов, посланный на помощь императором Владимиром, находился уже в Византии и сражался против мятежников.

Остановимся на его действиях в границах Византийской империи и за ее пределами.

Михаил Пселл, продолжающий хронику Льва Диакона, сообщает о том, как к Василию II «незадолго перед тем... пришел от Тавроскифов значительный военный отряд». Кедрин рассказывает о том, как император, действуя против мятежного Варды Фоки у Хризополя (Скутари), «приготовил ночью корабли и посадил на них Русь, так как кстати он призвал к себе из них союзную силу и сделал зятем князя их Владимира по своей сестре Анне; переправившись с ними, он неожиданно нападает на врагов и легко захватывает их в свои руки». А Зонара, повествуя о разгроме войск Варды Фоки под Хризополем, добавляет: «Когда Дельфина расположился лагерем против Хризополя, император напал на них с русским народом, потому что он, устроив родственный союз с

¹ Ф. Успенский. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888, стр. 10.

² Константин Багрянородный, ук. соч., vol. I, Воплае, 1829, стр. 660—674.

князем их Владимиром через сестру свою Анну, получил отсюда вспомогательный военный отряд».¹

Первая крупная битва с мятежными войсками Варды Фоки была выиграна только благодаря помощи русского отряда, посланного в Византию Владимиром.

Мы можем вслед за В. Г. Васильевским проследить дальнейший путь этого отряда, очевидно, непрерывно пополняемого, вследствие убыли, новыми русскими воинами. Шеститысячный отряд русских воинов стал как бы частью византийского войска. Людской состав его менялся, одни умирали, другие погибали в бою. Откуда черпались новые воины, мы не знаем, но можем предположить, что они приходили из Руси, вербуемые там греками, причем в их рядах были и русские-славяне и скандинавские наемники, жившие на Руси и служившие русским князьям, т. е. и те, которые с изначала именовались в Византии варягами, а именно русские, и норманские искатели славы и добычи, также именовавшиеся в Византии варягами, вроде знаменитого, овеянного дымкой легенды, воспетого в сагах Гаральда Гардрада, зятя Ярослава Мудрого. Но эта варяжская, скандинавская струя появится лишь позднее, в первой четверти и в 30-х гг. XI в. Воины русского отряда со своими типичными для них боевыми топорами — секирами (недаром их часто называют «секироносными варварами») и мечами, копьями и щитами выступали в роли дворцовой стражи императора, его телохранителей. Мы видим их в 999 г. в городе Химсе, в северной Сирии, сжигающими собор Святого Константина, в 1000 г. в Таронском округе (между Диарбекиром и Эрзерумом) в составе византийского войска. И сообщающий об их встречах с грузинами Асохик (Степанос Таронский) говорит, что «народа Рузов» «было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру замуж за последнего. В это же самое время Рузы уверовали в Христа». «Западными воинами» называет этот русский отряд и продолжатель Асохика Аритакес Ластивертский, говорящий о схватке русских с грузинами в 1000 г., не о войне, а именно схватке, о драке воинов двух союзных войск, русских и грузин.

Там же, в Малой Азии, мы встречаем русский отряд в битве с грузинами 11 сентября 1022 г. при Шегфе у Эрзерума, в 1031 г., в 1033 г., когда они берут крепость Пергри, в 1047 г. в Грузии в качестве союзников Баграда. Они сражаются в византийских войсках в южной Италии при Каннах в 1019 г.,

¹ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. ЖМНП, 1874, ч. 176, стр. 122—124.

отбивая яростные атаки французских норманнов. Их снова находим в Италии в 1025 г., в 1038—1042 гг., когда они сражаются в Апулии и Сицилии. В эти годы в отряде русских воинов сражается знаменитый викинг, Гаральд Гардрад, будущий норвежский король и муж Елизаветы Ярославны, герой скандинавских саг.

В 1016 г. русские дерутся с болгарами в Пелагонии, участвуют в дворцовом перевороте в Византии в 1042 г., по свидетельству Льва Острийского, правда, нуждающемуся в серьезной критике, сражаются у города Бари, в Калабрии и Апулии в 1009 (или 1010) г., а в 1047 г. снова воюют в южной Италии, тогда как другая часть русского отряда в это время пребывала в Грузии.¹

Отсюда, из походов в Италию, быть может, занесен был на Русь праздник перенесения мощей Николая Чудотворца в город Бари (9 мая), под стенами которого сражались русские воины византийской службы, возвращавшиеся к себе на Русь.

Здесь на совместной службе, варяги-скандинавы сталкивались с варягами-русскими, славянами. В те времена, и это очень убедительно показал в своей вышеупомянутой работе В. Г. Васильевский, «варягами» в Византии называли русских или приходивших из Руси, тогда как собственно скандинавы выступали под другими названиями (в частности, наименованием «жителей островов дальнего севера»).

В рядах этого отряда искал славы и добычи на «вено» для женитьбы на «презиравшей его русской девушке с золотой гривной на шее», Елизавете Ярославне, будущий ее муж и король норвежский, а до этого дружинник Ярослава Мудрого, Гаральд Гардрад. В составе русского отряда билась норманна, попавшие под влияние своих русских товарищей по оружию и привезшие на свой суровый север вместе с воспоминаниями о знойном Блааланде (Африке) и сказочно-богатом Миклагарде (Константинополе) и слова славянского происхождения, заимствованные ими у своих русских собратьев по оружию.

Так, например, саги называют Георгия Маниака «Гирги-р», т. е. Гюрги, по-русски, а дворец императора именуют «polotu-r» («палаты»), т. е. тоже по-русски, и т. п.

С середины XI в. значение русского отряда в Византии падает, но участие его в византийских делах В. Г. Васильевский прослеживает и дальше.

Принятие Русью христианства, усиление значения церкви в политической жизни Руси, появление греческого духовен-

¹ В. Г. Васильевский, ук. соч., ЖМНП, ч. 176—178.— В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 39.

ства, и т. п. — все это приводило к установлению определенной системы, при которой взаимоотношения Руси и Византии выражались формулой, согласно которой Византия считала себя «игемоном» Руси, а Русь упорно отстаивала свою независимость во внешних сношениях и в организации церкви. Русские воины попрежнему шли на службу к императору и не прочь были повторить времена Олега и Игоря. Так, Кедрин сообщает, что в 1018 г., после смерти Владимира и Анны, какой-то сородич (своjak) Владимира, Хрюсохейр («Золоторукий», «Золотая Рука», имя, аналогичное Волчьему Хвосту, т. е. имя-прозвище) с 800 воинами прибыл на судах к Константинополю, «желая вступить в наемную службу». Когда император предложил ему сложить оружие и явиться к нему для переговоров невооруженным, Хрюсохейр «не захотел этого и ушел через Пропонтиду». Разбив стратига Пропонтиды под Абидосом, он ушел к Лемносу. Здесь русские были обмануты византийцами и перебиты.¹

Это был поход-налет, предпринятый, очевидно, Хрюсохейром на свой страх и риск, но вскоре стремление Византии к «игемонии» заставило самого Ярослава взяться за оружие.

В 1043 г. Владимир Ярославович с воеводами Вышатай Остромиричем и Иваном Творимиричем выступил в поход на Византию. Греки рассматривали этот поход как бунт своих подданных «росов», которые стали подданными императора уже по одному тому, что приняли греческую веру. Но для русских это была борьба с попытками императора и патриарха подчинить своему влиянию, своей власти независимую Русь.

Отношения между Русью и Византией уже некоторое время были напряженными. В Константинополе знали о готовящемся походе и, во избежание осложнений в самой Византии, выслали из Константинополя русских купцов, а русское вспомогательное войско, игравшее со времени Владимира большую роль в империи, было выведено из столицы и расквартировано в провинции («скифы, находящиеся в столице в виде союзников, были рассеяны в провинциях»).

В Константинополе знали о том, что русские недовольны сложившимися отношениями и готовятся к борьбе. Но пока что обе стороны сносились безбоязненно и торговали друг с другом. Поводом к выступлению русских послужило убийство греками какого-то «важного скифа», т. е. русского. В ответ на этот инцидент Владимир Ярославович выступил в поход на Константинополь. Пылая «яростной и бешеной ненавистью против греческой игемонии», русские знали, что

¹ Georgi Cedrini, стр. 478, 479.

сражаются против сильного и опасного врага, простирающего свои руки к молодой Киевской державе.

Возобновив «старую вражду», они «нарубили сверху (в верховьях Днепра, — В. М.) леса, выстроили из него малые и большие лодьи» и вышли в море. Кедрин определяет войско русских цифрой в 100 000 человек, Аталиота называет другое число — 400 лодей, т. е. около 20 000 воинов, и это, несомненно, ближе к действительности. Им удалось проникнуть в Пропонтиду, и здесь они вступили в переговоры с императором Константином Мономахом, предлагая ему заключить мир, т. е. какой-то договор, очевидно, долженствующий положить конец притязаниям Византии на «игемонию» над Русью, и заплатить по 1000 статиров на каждую лодью (по другому варианту по 3 литра золота на воина). Император отказался. В морском сражении грекам помогла страшная буря. «Сильный ветер двинулся с востока на запад; взмутьив море вихрем, он устремил волны на варвара и потопил одни из его лодок тут же, так море поднялось в середину им, а другая, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам». Так говорит об этом сражении Михаил Пселл.¹ «Повесть временных лет» сообщает: «и бысть буря велика, и разби корабли Руси».²

Воспользовавшись бурей, крупные греческие суда — триеры (триремы) ворвались в расстроенную штормом русскую флотилию и пустили в дело греческий огонь. «И князь корабль разби и ветр и взя князя (Владимира Ярославовича, — В. М.) в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославль». Более шести тысяч воинов из разбитых лодей оказались на берегу. Они хотели пробиться на Русь по сухопутным дорогам, но не имели военачальника. «И не идяше с ними никто же от дружины княжее». Тогда Вышата заявил, что он идет с ними. «Аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». Но уйти на Русь не удалось. У Варны русские были разбиты, масса воинов пала в сражении, около 800 человек были приведены в Константинополь и ослеплены. Только через три года Вышата вернулся на Русь.

Оставшиеся лодьи, на которых плыли Владимир Ярославович и Иван Творимирич, повернули на север. Вдогонку им император послал 14 судов, но русские, повернув обратно, дали

¹ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII в. ЖМНП, ч. 178, 1875, стр. 89—92.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 150, 151.

им бой, «изби оляди Гречьскыя» и только после этого вернулись на Русь.¹

Когда, через три года после указанных событий, Византия почувствовала на себе всю силу ударов печенегов и познакомилась с кривой печенежской саблей, это заставило ее искать помощи у Руси, которая могла сковать кочевую стихию. Этим и объясняется возвращение Вышаты из византийского плена на Русь. Но дружеские отношения между Русью и Византией возобновились нескоро. Только в 1052 г. или 1053 г. Русь снова увидела на митрополичьей кафедре грека, и в дом русских князей была принята византийская царевна. Это была невестка Ярослава, жена его сына Всеволода, дочь византийского императора Константина Мономаха.

Этим мы заканчиваем рассмотрение морских походов русских во времена расцвета Киевского государства.

С середины XI в., после смерти Ярослава Мудрого, начался период феодальной раздробленности.

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 150, 151. — В. Г. Васильевский, ук. соч., стр. 89—93.